

IV. ДУБ И СОЛНЦЕ. СКАЗКИ, РАССКАЗЫ, ПРИТЧИ, НАЗИДАНИЯ

Каков чуваш, а?
Хвалится лошадыю – полоумный,
женой хвастает – безумный,
возвышает мать – самый умный.
Для нее – ничего не жаль.

ПРЕДВАРЕНИЕ

С этими сказками, рассказами, притчами, наизиданиями хотелось бы обратиться к мальчикам десяти-пятнадцати лет. И к их родителям тоже. Пусть помогут выбрать, что почитать и дадут пояснение когда надо.

Как же тогда быть девочкам того же возраста? Пусть им прочитанное перескажут мальчики, если прочитанное понравилось. Нет – так пусть молчат. И думают.

Сказки, рассказы, притчи, наизидания относятся к сочинениям, специально отобранным для настоящего издания из более чем десятка книг для детей: «Сказки и рассказы бабушки», «Братишкам и сестренкам», «В дружбе – сила», «Дуб и солнце», «Созвездия Земли» и др.

Меня, по-видимому, нельзя считать писателем в обычном смысле слова. Дело в том, что я – учитель. По документам, работаю с детьми только около сорока лет. Начинал учителем физики в семилетней школе. Затем перешел к математике и уже – в средней школе.

А если принять во внимание не только документы, но и судьбу, то получится, что педагогом я тружусь уже много-много лет.

Во время войны мне, четырнадцатилетнему мальчику, доверена была транспортная бригада. В бригаде все остальные на год, на полтора были младше меня. Работа с ними была первая педагогика в моей жизни. И их работа со мной – тоже. Та же педагогика.

Приходилось ездить много. Возили керосин, картофель, зерно, лес и многое другое. Ездили на телеге. Возили грузы тоже на ней.

Пути дальние, скорость малая. На ночлег доводилось останавливаться в разных деревнях. Чаще – в чувашских. Ночевали, однако, и в русских, татарских, марийских, мордовских селениях.

Ночи у возчиков долгие, потому что бодрствовать приходилось большей частью. Рассказывали друг другу сказки, услышанные где-то в пути или на остановке, повторяли всевозможные житейские истории – подлинные, выдуманные, а, быть может, и надуманные. Память сохранила сотни, возможно, и тысячи сказок, рассказов, всяких историй. Интересных, веселых, серьезных. И страшных – тоже.

Многое из этого, что услышано в детстве, пересказал детям – своим ученикам, да и не только своим. Получалось так, что мои сказки и рассказы чаще всего доставались мальчишкам. То ли давала о себе знать моя работа в школе, то ли что-то другое. Любил я с детьми совершать дальние походы. Мне нравилось, когда они проходили в особо трудных условиях. Что-то похожее на партизанские рейды было в них. Опять большинство – мальчишки.

Рассказы у костра порою длились долго, иногда – даже очень долго. Дети сами рассказывали много, но просили часто и меня. Каждый раз выбрать что то новое – непросто. И я переходил к живым легендам наших дней: рассказывал увиденное и услышанное во время поездок по стране. Эти поездки меня очень выручали: впечатлений хватит на годы – страна огромна и многообразна. А побывал я во всех республиках – в некоторых по три-четыре раза.

Сказки, услышанные у соседних народов в ранней юности, повторял я на встречах с детьми дальних краев – в горах Киргизии, у озер Ямала, среди буйной растительности Грузии, в таежных селениях Тувы... Заново переживал я свою молодость, но и сказки не оставались неизменными. Вникая в их содержание в новых условиях с другими детьми, глядя на своих слушателей, я с удивлением обнаруживал вдруг, что старые сказки приобретают новый смысл. Становятся как бы свежими – из-за впечатлений. Для меня самого, даже в моих собственных устах, они начинали звучать по-новому. Радости, что ли, в них оказывалось больше, мудрее они становились, что ли...

Рассказывая сказки своего народа, пересказывая его историю, я, наверное, участвовал вместе с моими слушателями в своеобразном обмене духовными ценностями. Умнели дети, вместе с ними мудрее становились и сказки. Шире становился кругозор моих собеседников – расширялись границы их мира. Этим миром все более становилась страна с прекрасным именем – СССР. Кое-что я рассказывал и в других странах. Да и сами сказки, рассказы тоже печатались не только на чувашском, русском, киргизском, казахском и молдавском языках, но и на немецком, например.

Как все-таки получилась, или лучше сказать, произошли настоящая книга? И называю ведь я ее своею. Можно ли? Сказки-то как будто народные, услышал, переписал – и все... Все-таки не совсем так... Мое участие в создании рассказов о поездках к братским народам, наверное, оспаривать никто не станет.

А сказки чьи? И мои. Народ не пишет, лишь рассказывает. Я пишу. Не просто переписываю.

Мне особенно дорога сказка «Золотая пылинка». Слышал ее много раз. Запомнилось четыре варианта. Три из них – очень похожи друг на друга. Назову и сказочников: Я.Е. Нюкин, отец погибшего красного командира, В.А. Зайцев, отец преданных Родине людей, коммунистов...

Младший сын вернулся с фронта тяжело раненый и стал Героем Социалистического Труда на посту председателя передового колхоза.

Особый сказ о третьем сказочнике, вернее, сказочнице. Это – Татьяна Николаевна Алексеева, проводившая на фронт восьмерых сыновей. Один сын, пограничник, ни на шаг не отступил от границ Родины и погиб через день после начала войны, второй сын удостоен посмертно звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра, под Житомиром закрыл телом амбразуру третий сын... Погибло шестеро. Есть памятники сыновьям, уже есть монумент и матери героев: в горестном ожидании стоит она у крыльца, однако – с надеждой. Сказка «Золотая пылинка», которую из ее уст слышали не только сыновья, но и их товарищи и друзья, тоже своего рода памятник матери.

– Как воспитывала сыновей своих?

– Никак... Сама не сидела без дела. И дети – тоже... Пахали родное поле, косили траву на лугу, ловили рыбу, берегли лес. Выезжали в поле до восхода солнца, но не будили сыновей так рано: с вечера стелили им на телеге, и они до родного поля могли еще немного поспать.

А сама в разговоре приводила то пословицу, то поговорку, а то – и то, и другое. Благопожелания, заветы предков, добрые их обычаи были ее заветами. Черную землю называла грудью кормящей матери, дубравы – священным храмом родины, голубое небо – хрустальным дворцом солнца, солнце – матерью тепла и света... Родину именovala не иначе как золотой колыбелью. И пылинка родины родная, и глина сладкая.

Что для человека может быть дороже родины? Что есть человек без родины? Хуже бездомной собаки, хуже сироты, лишившейся отца и матери. Без родины нет самого человека. Потому он ценит ее дороже жизни своей и предпочитает гибель во славу родины, чем лишиться ее.

По-разному говорили эти слова три сказочника. То это было ответом на вопрос, то – восклицанием: ни для кого нет на свете дороже родины! То – чем-то напоминающим молитву, причитание...

За основу сказки «Золотая пылинка» я принял все-таки четвертый вариант. Его впервые услышал лет тридцать тому назад в Кошки-Новотимбаеве Татарской АССР от старого колхозника А.П. Воронова, человека неграмотного. Сказка как сказка, но нет в ней ни лжи, ни намека. Добрым молодцам – урок? Да, конечно, мудрый урок добрым молодцам есть. Кроме всего прочего, сказка по форме и содержанию – историческое предание. И это очень важно. Именно в четвертом варианте есть особенная прелесть. Она – в деталях, живо напоминающих эпизоды родной старины глубокой, незабываемые эпизоды истории народа.

Сказку эту поведал Алексей Мучи как что-то очень дорогое ему. И сокровенное. Даже в тихой и доверительной манере повествования была своя значительность. История народа звучала как личные воспоминания. В моей памяти это как самое редкое и дорогое угощение уму и сердцу. И правда, он эту сказку рассказывал очень редко. Впечатление

усиливалось тем, что старый сказочник, скрипичных дел мастер, был еще музыкантом, родные нежные мелодии, идущие из самых глубин сердца, были как музыкальное вступление к «Золотой пылинке».

Чуть не забыл сообщить основное: А.П. Воронов – по рождению, по крови русский. Оставшись круглым сиротой, он был усыновлен сердобольной семьей чувашских крестьян и вырос там наравне с родными детьми. Можно ли не удивляться: лучшую из чувашских сказок я услышал от этого русского.

В сказках – мечта о дружбе, единстве. Действительность реализовала мечту. Я видел это повсеместно у нас в стране, особенно встречаясь с детьми разных народов. И об этих встречах рассказывал своим ученикам. Сказки, рассказы, пересказы как раз и составили одну из частей этой моей книги.

Мальчикам, читателям этой книги, желаю многих рыцарских добродетелей и доблестей. Но все начинается с малого. На первый случай прошу их о немногом: прочесть книгу и как можно лучше пересказать ее ровесницам-друзьям, постараться сделать это лучше, чем в книге. Помнить в первую очередь о сестренках своих...

ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ. СКАЗКИ

Золотая пылинка

В старину – с тех пор, быть может, прошло уже не менее тысячи лет, – в страну, где жили предки чувашей, прибыли послы из дальней страны. Они посланы были царем своим для установления дружбы с чувашами.

Древние чувашы были упорными тружениками и глубокими мыслителями. К их стране тянуло многих. Привлекали величаява Волга и спокойная Кама, старые дубравы и рощи кудрявых лип, красное солнце и голубое небо. Очаровывали нежные слова, прекрасные узоры вышивок, неповторимо мелодичные песни... Чувашам самим листья камыша у озер и стебли осоки в болотах казались мягкими как шелк. Травы на родных лугах им казались самой зеленой, небо над родными землями представлялось самым лазурным, солнце для них было самым золотым шаром, они не знали в мире реки шире Волги, глубже ее, могущественнее... Для них она была и рекой без начала и конца, и бескрайним морем-океаном.

Разве только для них, чувашей, нет ничего краше в мире родных уголков-улиц, родных полей-лугов, родных дебрей-лесов, родных рек-озер?

Посол со своим писарем много ездил по стране. Из края в край. Туда-сюда. Пересекали не раз с севера на юг, с востока на запад, много раз оставались на холмах, у берегов рек, в селениях, в дубравах у тысячелет-

них дубов, что были вместо священных храмов для чувашей, не знавших иных богов, кроме солнца, звезд, неба, ветра, птиц, цветов, трав и пчел...

До самых глухих углов добирались путешественники. Что видели – изображали на холсте рисунками, на шелке – узорами, что понравилось – снимали на разноцветную кожу, что интересовало – писали на пергаменте.

В помощь гостям выделены были умелые слуги, неутомимые проводники-смельчаки.

Царя чувашского имя забыто. Будто книжники помнят до сих пор имена иностранных гостей и слуг с проводником.

Каждый раз, когда возвращались в столицу из поездки по стране, слуга и проводник докладывали царю:

– Гости заморские очень хвалят Волгу. Восхищаются ее красотой, мощью, обилием всяких рыб в ней. Удивляются богатству лесов и рощ. Девичьи песни записывают – и слова, и мелодии. Переснимают узоры с вышивок. У стариков заимствуют пословицы и поговорки, загадки и сказки. За ними по пятам ходят и присутствуют на полевых молениях. У старух покупают старинные сурбаны⁹, платя за каждый золотой монетой, на что коня купить можно. Хвалят обычаи целомудрия. Восхищаются честностью и добротой.

Царь задумался, услышав эти слова. И решил пригласить заморских гостей к себе. Те явились сразу. Царь, приветствуя их, высказал благопожелания. Сердечно их принял. Угощал всякими яствами. На столе – шыртан, тулдармыш, игерче¹⁰. Распорядился, чтоб приготовили из семи видов мяса, с семью видами трав, на воде из семи родников садам яшки¹¹. Сам же пояснил: салам яшки, что значит салам яшки – приветственный суп. Разного питья было вдоволь – симпыл¹², пиво юрай¹³, максима¹⁴. Застолье не имело только того, чего мир не имел. Царь дарил гостям разные драгоценности – жемчуг, коралл, сердолик. Всевозможные бисера – на радость дочерям. Посуду, изготовленную из золота и серебра чувашскими мастерами, – на гордость женам. Игрушки всевозможные – на потеху детям. Каждому по мешку йывады¹⁵ – удовольствие малышам.

Гости собрались в обратный путь. Предстояло плыть по Волге, вниз по течению. К большой лодке поднимаются по ступенькам, осторожно придерживаясь за перила. Не успели те подняться наполовину, их просят остановиться ненадолго. Диву даются гости. Толком не поняв,

⁹ Сурбан – женский праздничный головной убор, богато орнаментированный вышивкой.

¹⁰ Национальные кушанья.

¹¹ Род супа, приготавливаемого для особо почетных гостей.

¹² Симпыл – напиток из меда, выдерживается до двадцати лет под землей.

¹³ Юрай, подснежное – пиво самого высшего качества.

¹⁴ максима – густое пиво без хмеля, давали детям и старикам.

¹⁵ Йывады – особый род печенья, дается «бессчетно» в качестве гостинца детям как пожелание многодетности их родителям.

пытаются подняться еще на одну ступеньку. Хозяева умоляюще просят их не делать ни одного шага к лодке.

Подданные царя снимают башмаки с ног заморских гостей. Приставшую глину отковыривают ногтями, соринки сдувают, вытряхивают изнутри все, что могло попасть. Из карманов вынимая шелковые платки, тщательно вытирают башмаки сверху, снизу и с боков и, как драгоценность, опять прячут платки в карманы глубже. Чистые башмаки гостям заботливо надевают сами же. Чтобы следов обиды не оставить, вручают им еще по мешочку денег.

– Что это за обычай у вас? – спрашивают заморские гости, удивленные.

Отвечают хозяева степенно, с достоинством:

– Вы познакомились с нашей прекрасной страной. Для нас в мире нет ничего лучше ее. Нет ничего и дороже. Земля родины как грудь родной матери. На ее полях растут хлеба: загоны полбы как камыш шумят, горох как хмель тянется к небу... В лесах тысячелетние дубы, раскидистые, шепчут друг другу тайны свои, липовые рощи с восходом солнца пробуждаются пчелиной песнью...

На рябиновые ветви мы подвешиваем колыбели. Напевая колыбельную песню, утешаем младенцев своих. Из досок тысячелетних дубов сколачиваем гробы и хороним в них бабушек в расшитых сурбанах. На родине – и кладбище родное. На этой земле мы находим для души успокоение, беседуя на своем ласковом языке, напоминающем щебетание ласточек. В хороводах и на свадьбах поем свои дивные песни, что приносят нам утешенье. В месяц поминания¹⁶ почести отдаем памяти предков, поем свои скорбные песни и плачем...

Когда устаем от трудов, ложимся на эту землю, чтобы отдышаться.

По лугам этой земли бредут наши стада. Временные и постоянные тропы с равнин на холмы, узкие и широкие дороги через ровные поля и дубравы возникли от следов ног предков наших, дедов и отцов... Пути эти вечны, их покрытия под твердыми походками нашими, под торопливыми ногами подруг и спутниц, под неуверенными ножками малых деток, только что начинающих ходить, становятся дорогами судьбы.

Эта земля – нам и отец родной, и мать-кормилица, и брат-защитник. Земля родная чиста и священна. Пылинка родной земли родная, глина – сладкая. Ее песок – золотой, сухие камни – серебро. Мы вас приняли с почестями, нам для вас не жаль самых драгоценных подарков. Но нет для нас дороже земли родной, мы не можем дать вам и невидимой ее пылинки. Чисты ваши башмаки. Как наша совесть. Здоровья и удачи вам! На вашем пути пусть Волга будет без водоворота, море без бурь, пусть дороги будут гладкими, места для отдыха – сухими.

¹⁶ Так назывался чувашами-язычниками октябрь.

Огниво и кремь

Давным-давно это было. Чувашей еще не было, были сувазы. Так называли себя и наши предки, и соседи сейчас так зовут. И вот восстали они против своего царя: больно злой и жестокий был. Особенно ненавидел умных. Раболепию благоволил, более всего была ему мила лесть.

С бунтарями расправился царь.

Самых смелых велел повесить, самых умных – закопать живьем, вожakov – сжечь, сыновей – утопить, как котят, а жен и дочерей – отдать в рабство.

Самому смирному, самому робкому из повстанцев царь решил даровать жизнь. Велел его упрятать в тюрьму – чтобы живьем сгноить. В самое темное, самое сырое, самое страшное подземелье. Не сгниет, так крысы сожрут, крысы не съедят – так с голода сдохнет, с голода не помрет – так со страха с ума тронется. Вот так по-своему мудро решил царь сувазов, чтобы никому неповадно было: и робкие, мудрые, мутят воду, подрывают веру к правителям.

Бунтаря-суваза бросили в самую глубокую яму под самой высокой башней крепости. Царь вскоре про бунт и про бунтарей забыл напрочь. Запомнили и слуги верные.

И вдруг темной ночью стража прибегает и, трясаясь от страха, сообщает царю:

– Тот робкий суваз громко поет о свободе и из ногтей высекает молнии – и в яме, и в башне аж светло, как при зарнице.

Не поверил царь. Но – в крепость поехал.

В пение тут же пришлось поверить: за стенами крепости раздавались повстанческие гимны и марши.

А молнии? Сполохи огня, и правда, вспыхивали над крепостью.

Как могло случиться?

Суваз зубами откусил крошечку стали от двери, из стены каземата ногтями выковырнул песчинку кремня. Огниво спрятал в ногте указательного пальца правой руки, кремь – в ногте большого пальца левой. Сидит и бьет ногтями как ни в чем не бывало. Сыплются искры во все стороны, возгорается пламя. Вспыхивает все кругом – как будто блещут молнии. И не разглядеть, откуда огонь – только ногти видеть.

Задрожал царь от страха: что станет с крепостью, с царством, если суваз стальную дверь об башню чиркнет?

Велел царь выпустить суваза на волю. Того гонят – он не хочет. Сидит и молнию творит себе на потеху, а царю – на горе и страх. Еле изгнали. Сам-то царь спрятался во дворце. Охрану устроил.

От этого суваза и пошли чуваша – робкие и смиренные.

Красивые узоры – след в памяти о земле прекрасной

Солдата отпустили домой за ненадобностью. Заболел и перестал быть нужным царю. Двенадцать лет мирного времени сторожил солдат царство, еще двенадцать – страдал на войне. В каких только странах не побывал! Довелось ему жить среди семидесяти народов. Даже научился понимать чужие речи. Но зато иные древние слова своих предков стал забывать. Предавались забвению и некоторые обычаи старины давней.

А дома ждали его днем и ночью двадцать четыре года. Ждали, мечтая о встрече хоть когда-нибудь. Так ждет незрячий того волшебного мига, когда глаза увидят свет и цвет.

Отец и мать ждали сына. Сестренка – старшего брата. Сестра – братишку. Порядком состарились все – в большой семье племянники и племянницы и духом не ведают, что у них где-то есть дядя. Настолько самозабвенно ждали, что, когда постучался средь бела дня старый и больной солдат, никто и не вспомнил про своего скитальца по чужбине. Мечта витала где-то, а тут стучал кто-то в дверь.

Принять-то приняли несчастного приветливо. Так ведено предками, завещано прадедами: странника следует накормить-напоить, замерзшего – отогреть и вернуть силы, печальному – помочь найти радость и восстановить бодрость.

Все были бы рады принять странника за своего, да не за что ухватиться: не осталось никаких примет, все признаки растеряны. Решили проверить – испытать. Да что толку? Хотели проверить – но где взять веру?

Младшая сестра спросила:

– Помнишь ли благопожелания деда во время сэрэна?¹⁷ То, что оставило след в памяти, солдат повторяет охотно:

– Кто нас не угостит пивом, у того пусть сломается затычка бочки, кто не даст нам чогота¹⁸, у того пусть у коровы отсохнет вымя, кто не даст нам яиц...

– Да что ты... – промолвила сестренка. – Это же не благопожелание деда, а сэрэновские частушки детей... Нет, этот человек никогда, наверное, не бывал в нашем доме.

Старшая сестра не заметила слез старого солдата.

– Бабушка тебе, двенадцатилетнему, желая добра, высказала благословение. Помнишь ли ее слова?

Странник глубоко задумался. Из-за боязни ошибиться, наверное, и сомнение его брало.

– Мало говори, много слушай, не будь ленив, не насмехайся над людьми, принимай шутку, высоко голову не задирай...

– Еще, еще, – настаивала сестра, – двенадцатилетнему – двенадцать заповедей.

¹⁷ Сэрэн – старинный весенний праздник у чувашей.

¹⁸ Чогот – национальный сыр.

Старик был взволнован, голос его дрожал.

– Добрая голова пусть имеет добрые цели, добрый конь пусть добро скачет, добрые руки пусть творят добро!

– Еще, еще, – поторапливала сестра. Однако в словах ее не слышалось радости одобрения.

– Подрастешь – стань добрым молодцем, будь мастером петть, будь легок в пляске.

– Нет, нет. Это – слова благопожелания трехлетнему ребенку.

– Ежели так, – произнес старый солдат дрожащими губами, он боялся потерять надежду. – Раз так, то слова бабушкиного благословения, наверно, вот эти: «Расти быстрее, стань большим! Идя к тебе, поела масла, – будь ты ласковым, в разговоре пусть язык твой будет мягким, как масло. Идя к тебе, поела меда – пусть сладкими будут речи твои. Будь чувашем – смирным, покладистым, сговорчивым, уступчивым, терпеливым.

– Ежели так, ежели так, – передразнивала сестра. – Это же слова бабушкиного благословения новорожденному. Их ты не слышал и не должен помнить. Нет, к сожалению, ты, добрый странник, никогда не жил на нашей улице.

Тяжелее всего матери терять надежду на возвращение сына. Она не спрашивала, а умоляла:

– Расставаясь с нами, уезжая от нас в дальние страны, какую клятву ты давал, добрый человек, когда трижды обходил старый дуб?

Как будто все слова в памяти, все-все вспомнил старый солдат. Первый круг вокруг дуба – слова на кончике языка как услышанные сегодня, второй круг – и те слова в памяти засели глубоко, на всю жизнь... Но какие же слова он произносил, когда третий раз обходил дуб?

– Пусть всегда в памяти будут родительские нивы и поля, доли и луга, эта память пусть вернет меня обратно к родному дубу. Пусть вечно в моей памяти будут живы; слова деда-бабушки, пусть эта память вернет меня к родному дубу. Пусть посчастливится вернуться к вековому дубу родины и раскрутить, обойдя дуб три раза обратным ходом...

– То, что надо сказать вначале, оставил на конец, – едва слышно проговорила мать. – Все перепутал. Нет, наверное, ты впервые в нашей деревне...

Дрожа от страха, что погаснут последние искорки надежды, самым последним спросил отец:

– Какими словами ты пожелал бы добра страннику?

Больной солдат, измученная душа, не успевает утирать слезы. Но все-таки находит в себе силу и твердость, чтобы произнести от всего сердца слова:

– Пусть дорога, по которой пойдешь, будет ровная, пусть место, где сядешь на отдых, будет сухим.

Солдат, оказывается, забыл, что после первой части благопожелания он должен был остановиться, глубоко вздохнуть, чтобы слова

успели дойти по назначению. Без этого пожелание не достигает цели, теряет свою силу. Торопливость к добру не приводит. В спешке произнесенные слова бесполезны. Как же мог забыть странствующий старец, пропиравший тысячи верст?

– Ты сказал только ради слова. Не чуваш ты, несчастный. Однако зачем же ты обманом царапаешь кровоточащие сердца стариков и заставляешь их терять надежду дожидаться единственного сына? Жестокость такую смогут ли перенести старые души?

Повидавший на своем веку много зла, испытывший много страданий на жизненном пути, старый солдат не мог удержаться от рыданий.

Добрые люди пожелали странника, их сердца смягчились. Однако что же они делали? То ли себя проверяли, не веря своему счастью вновь обрести пропавшего сына и брата, то ли испытывали странника.

Однако жестокое испытание – зачем? Оно жестоко и для тех, и для этого.

– Пожалуйста, спой колыбельную, – с новой надеждой попросила младшая сестра.

Солдат спел колыбельную с первого слова до последнего. Мысленно утешал он этой песней свою неосуществленную мечту – сына, которому не суждено было родиться. Сестренка повеселела и, как на родного, посмотрела на солдата.

Старшая сестра попросила спеть песню помочи.
С раннего утра до поздней ночи
Развешаются флаги помочи,
Флаги великой помочи...

Слов других не помнил солдат. Но может ли чтить как своего брата, забывшего слова песни, которые собирают народ на помощь?

– Не согласишься ли спеть какие-нибудь песни о родных земляках? – спросила мать умоляюще. Потерять надежду навсегда – очень тяжело, особенно матери: вдруг этот человек в самом деле сын, приобретший душу в ее утробе. Прошла вечность, как сын покинул родные края. За истекший период грудные младенцы стали отцами сыновей, не успевшие родиться девочки родились, выросли, замуж вышли и стали Кормящими матерями. И старшая сестра стала бабушкой. Вдруг за эти годы сын настолько изменился, что матери изменила память. И она не узнала его.

Старый солдат спел о раскидистом одиноком дубе посреде поля. С воодушевлением пел прекраснейшую из песен о глубоких оврагах, которые не удавалось перейти даже медведям. Песни о Буле, о Свияге – счета нет песням! Наконец – песня о Волге. Прославляя Волгу, именую ее матушкой, называл Атал-батюткой¹⁹.

¹⁹ У чувашей «Атал-атте», что означает «Волга-батюшка».

– Стало быть, на своей родине поют последней песню о Волге-матушке, об Атал-батюшке. Не удивляешь, а печаль-тоску нагоняешь. Плакать заставляешь, жалкий человек...

А глава семейства все еще не потерял надежды. Сколько лет ждет сына! Всю жизнь. Незванного-нежданного гостя усадил за стол на самое почетное место.

В большой ковш-сюрхат²⁰ с рукояткой-аргамаком, украшенным великим солнцем и малыми звездами, налил пенистого пива. Хмельного и густого, как свежий мед, пива. Пива юрай. Лучше этого пива в мире нет.

– О жизни, о вселенной какие песни знаешь, какие песни помнишь?

Снова запел странник. Пел песни. Пел – как будто клятву давал. Эти песни – последняя его надежда. Пел без перерыва. Эти песни – из глубин души, от всего сердца, в них – многолетний порыв, призыв, мольба. Выбирал он лучшие из песен. Те, что пел, прячась в оврагах и на чужбине. «Лети, лети, кукушка» – ее спел солдат сначала. Дом отца и матери назвал золотой колыбелью. Пел, прославляя мудрых старцев – ум народа, совесть и гордость его. Их он ставил выше бога, впереди бога, о том он пел без робости. Почетных стариков-шурсухалов²¹ села ставил выше царя, впереди царя. И не скрывал своего восхищения их мудростью. Чтобы подчеркнуть свое особое почтение к самым старым, к самым мудрым, произносил некоторые имена, став на ноги. И пел стоя, чтобы прославить их достойно. Звучала песня о солнце, хозяине вселенной, матери света. О жизни пел солдат. О смерти. О матери. Об отце. О старшей сестре. И о младшей.

Полуведерный ковш наклонил, повалил и опрокинул. И сел. Глубоко вздохнул. Встал и запел «Алран кайми»²². Песню вечности. Славы. Торжественный гимн тысячелетий.

Многие века поют эту песню чуваши. Слова клятвы выжимают слезы из глаз. И хозяина дома волнует песня – и слова, и мотив. Сказать слово – не решится никак: прерывать эту песню не велено.

Чем не угодил солдат хозяину? Вот что... «Алран кайми» – первая песнь. Как и песня о Волге – в других случаях. Как же петь песню славы народной после ковша пива? Почувствовал ли солдат, что просчитался, или и не заметил ошибки своей? Но молчание всех насторожило его. Он понял, что родные так и не узнали его. И не приняли. Осмотрелся. Безнадежно махнув рукой, встал и собрался было уже выйти из-за стола. Вдруг его взгляд упал на пустой ковш. На нем большой узор – знак солнца. Луч заходящего солнца упал на узор и две красоты, обнявшись, создали одно единое очарование. На миг все соединилось – прекрасное,

²⁰ Сюрхат – ковш для особо почетных гостей; рукоять его делается в виде ветрокрылого аргамака-скакуна.

²¹ Шурсухалы – букв., белобородые (аксакалы).

²² «Алран кайми» – старинный земледельческий гимн чувашей.

великолепное, изящное, нежное... Удивительно... Чудо из чудес! Величественная красота, пышная и гордая красота... Неповторимая гармония – на лице ковша. Чудесный мир на нем. Ювелирная отделка узора, маленькие следы, тонкие линии и светлый луч большого солнца. Узор – от солнца. Само солнце. Подлинное солнце! Желтое солнце, если буквально перевести с чувашского. Красно солнышко – по-русски. Эккей²³, обвоплощение души! Узор – солнце... Стало быть, человек сам творит этот прекрасный мир, сам его украшает, сам же держит его...

– Солнце уже собирается спрятаться за заповедную дубраву, скоро наступит вечер. Ближайшая деревня – через лес. Куда пойдешь, на ночь глядя? Переночуй у нас. Место найдется.

Вдруг солдата что-то осенило. Он быстро развязал котомку и с ее дна как драгоценность вытащил лоскуточек холста. Остатки вышитого киста, сохраненного как память о родном доме и родной семье. На лоскуточке размером с мизинец сохранился один шов. Один-единственный. И он держится еле-еле. Неосторожно заденешь или сложишь грубо, следа от шва не останется: развалится вместе с лоскутком. Узора – никакого, только один шов. Только шов один. Однако шов какой? Чья рука, почерк чей?

– Вышивка-то моя! Пиччем, пиччем²⁴. Единственный, неповторимый, дорогой, ненаглядный брат...

Губами коснулась бороды, будто поцеловала... Поредевшие его волосы растопыренными пальцами назад заправила, как причесала.

Старшая сестра вскочила удивленная, воскликнула от нахлынувшей радости:

– Узоры-то мои!

Нежно обняв, прижала к себе худенькие плечи младшего брата.

Мать не сразу поверила счастью. От волнения еле-еле прошептала:

– Нитки-то – мои! Я их пряла...

Подошла к сыну и ласково похлопала по спине. Как маленького. Будь семеро детей, для матери каждый – единственный. И белобородый сын для нее – дитя малое, желтый пушистый цыпленок.

Только отец сидел в сторонке и молча наблюдал. Слушал и, не отрывая глаз, смотрел. Затем решительно встал, подошел и протянул руку:

– Сын мой!

И в старости еще сохранились силы у пахаря – крепко пожал он руку сыну.

У каждой чувашской девушки была, по меньшей мере, одна своя вышивка. И метод вышивания и способ его – свой, особенный. У каждой. У всех. И узоры – разные. Вышивки не могут быть одинаковыми, – говорят издревле и не зря. «Тёрё тёрлэ» – поговорка известная. И нитки – разные. Без отличий нет мастерства.

²³ Эккей – восклицание, означающее удивление и восхищение.

²⁴ Пиччем – ласкательное обращение к старшему брату.

Еще вот что. Забывшего родное слово проклинали старцы, но несчастному прощение было. Старательно учили его снова. Забывшего слова родных песен, их мотивы презирали в старину. Но все-таки, глядя на страдальческую судьбу, жалели, сажали рядом и позволяли слушать песни. Но не было прощения тому, кто забывал очень-очень древний узор, называвшийся «кэскэ». Этот узор – символ солнца. Символ солнечной страны – родины. А по-нынешнему – это же герб.

Вязовые прутья

У старого чуваша было девять сыновей. Жили вразброд, не дружно то есть. Из-за пустяков, никчемных мелочей спорили, ссорились, враждовали. Порою возникали и драки. Это очень огорчало старого отца.

И старик глубоко задумался. Что делать? Самому жить недолго осталось. Но как будут жить сыновья без него? Однако не зря говорили в ту пору: «Старый человек стоит четырех человек».

Однажды позвал отец к себе сыновей и задал им вопрос:

– Сыновья мои золотые, кто из вас сумеет правильно ответить на вопрос: в чем же сила?

Девять сыновей дали девять разных ответов. «Сила человека – в скакуне, конь – крылья мужчины», – сказал старший. Другой: «Сила – в остром слове». Третий: «Для ветряной мельницы сила – в ветре». Для четвертого не было в мире ничего сильнее денег. Силу красоты, силу человеческой твердости, силу ума, силу рук восхваляли остальные. Но друг друга не слушали братья. И не слышали. Еще до завершения обсуждения вопроса отца уже начали спорить. И поссорились. Лишь младший ни в споре, ни в ссоре не участвовал. Молча дожидался, что скажет отец. А про себя подумал: «Сила – в отцовском благословении». Но вслух высказал только готовность послушать отца.

Вот что велел старик сыновьям.

– Идите за гумно. И пусть каждый от своего вяза сломит одну веточку и явится обратно сюда.

Отец после рождения каждого сына сажал вяз. Деревья уже стали большими. С крупных сучьев можно было даже лыко драть. Вязовые лапоточки – загляденье. Красные. Красивые. В жаркую погоду носят лучше, чем из липы. Крепкие лапти. Прочные. Но в сырую погоду – гибнут. Как высохнут – ломаются лычины, трескаются. Пропадают лапти ни за что. А как праздничная обувь, если обращаться бережно, вязовые лапти хороши. Надолго их хватит.

– Ломайте только со своих вязов...

Строго предупредил отец. Рядом с девятью вязами рос уже десятый. Тонкий и невысокий. Его ломать нельзя, потому что там еще только лоза. Один пруттик. Посадил его старший сын, Юман, в честь рождения у него первенца, названного тоже Юманом. Старик радовался

этому. Мечтал: через много лет, быть может, вокруг гумна вырастет вязовая роща.

По одному прутуку вручили сыновья отцу.

– Соберите все вместе прутья и свяжите веревкой, – велит отец.

Сыновья с этим быстро справились.

– У кого из вас хватит сил, чтобы сломать эти, вместе связанные вязовые прутья?

Пробовал первый старший сын. Долго возился и все – зря. Ни один прутуку не сломался. Все целы. Рукам и коленям своим напрасно причинил боль. То, что не сумел старший сын, для старика-отца было мало. Пусть все пробуют по очереди. Пыхтели те, пыхтели старательно, но толку никакого: ни хруста, ни треска никто не услышал, нет, не дождались – все прутья в целости.

Младший и не принял участия в этой возне. С доброй улыбкой лишь посматривал в сторону отца. Но из-за робости не решился наекнуть отцу, что раньше всех уловил его замысел.

Старый отец, улыбаясь, сказал сыновьям:

– Теперь развяжите худенькую, но крепкую вашу метлу.

– Развяжем, – сказали сыновья и тут же со скучающим видом отошли. Дело в подобных случаях делать же, конечно, младшему. Развязал и разбросал прутья по полу. Отец своими слабыми пальцами брал их по одному, легко ломал и бросал на пол. Испытующе посмотрел в глаза сыновьям:

– Итак, в чем же сила? Кто из вас сумел понять и сумеет сказать правду?

Младший повернулся к своим старшим братьям. Те – как воду набирали в рот. И младший, когда отец разрешил, промолвил:

– В единении – сила, отец.

Старшим пришлось согласиться с младшим. Спорить не стали. Благословением явились эти слова. И завещанием. Для младшего. Для старших. Для всех.

Садовник и сыновья

В старину жил садовник со своими сыновьями. Жизнь была трудная, но с отцом как-то жили дети. Умрет старый садовник, что станет с сыновьями. Вдруг не только головы склонят, но и руки опустят? Это очень беспокоило старого труженика. И он раскаивался, что не сумел своевременно приучить их к труду.

Когда пришла пора умереть, садовник позвал к себе сыновей и сказал:

– Дети мои, когда уйду из этого мира, сокровища, которые я вам завещаю, ищите дружно, все вместе в яблоневама саду. Только общими усилиями разыщите.

Сыновья решили, что отец в саду спрятал золото-серебро. Когда умер отец, перерыли весь сад. Нетронутого места не осталось. Земля в

саду стала мягкой. На следующий год весной яблони зацвели гораздо дружнее, чем во все другие годы, а осенью ломились они от плодов – красивых, желтых, полосатых, круглых, продолговатых, сплюснутых...

Сыновья искали наследство, оставленное отцом, и следующей осенью. И позднее – много лет. Жизнь их улучшалась из года в год.

Вот так не впустую были поиски сокровищ, завещанных отцом. Наконец, и сами сыновья догадались, что это такое: богатство – объединение усилий, сокровище – дружная работа.

Тимерке

У русского народа есть рассказ, очень мудрый, про дедушку. Наверное, все-таки рассказ, а не сказка. Она прямо из жизни. По-своему пересказывали его великий писатель Толстой и великий педагог Ушинский. Помните?

Сильно одряхлел дедушка. Плохо он видел, плохо слышал; руки и ноги у него дрожали от старости: несет ложку ко рту и суп расплескивает.

Не понравилось это сыну и невестке: перестали они отца с собой за стол сажать, прятали его за печь и стали кормить из глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежнего разозлились сын и невестка: стали они кормить отца из старой деревянной миски. У сына и невестки был свой маленький сынок. Сидит раз мальчик на полу и складывает что-то из щепочек.

– Что ты делаешь, дитятко? – спросила его мать.

– Коробочку, – отвечает дитятко. – Вот как вы с тятенькой составитесь, я и буду вас из деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отец с матерью и покраснели. Перестали с тех пор старика за печь прятать, из деревянной чашки кормить.

Да, это – действительно рассказ. У чувашей есть сказка о сыне с невесткой и дедушке с внуком. Мне ее рассказывала бабушка. В ней сообщается случай похуже, чем в рассказе русских крестьян.

Жил да поживал один мальчик вместе с отцом-матерью и дедушкой. Звали его Тимерке. Дедушка, которого внук очень любил, сильно одряхлел. Ухаживать за ним стало в тягость невестке. «На свете всякое бывает: есть дурнее дурного и злее злого», – говорят чувашки. В сказке разное бывает: но человек злее стариковой невестки едва ли может быть. Вот она и говорит мужу:

– Посади старого в санки, свези за деревню и свали в глубокий овраг!

Муж-то был человек слабохарактерный, так себе: своего слова не имел. Он и послушался. В один морозный день усадил отца в санки и повез за деревню. Вместе с ним пошел и семилетний сынишка Тимерке, внучок старого деда.

Подъехали они к оврагу. Сын старика подтолкнул санки и дед на санках покатился под гору. Мальчик, по пояс увязая в снегу, тоже

побежал в овраг. «Куда ты бежишь, сынок?» – спрашивает отец. «А я хочу санки подобрать», – отвечает Тимерке. «Не надо подбирать, я тебе новые куплю», – говорит отец. Но мальчик не останавливается, все бежит за дедом. Вот он догнал деда и, запыхавшись, потащил санки в гору.

«Ведь я тебе говорил, что новые санки куплю, зачем тебе старые?» – спрашивает отец.

«Я знаю, купишь. Эти уже не пригодны для катанья. Мы их поставим в лась²⁵. Пусть там стоят. Когда вы, отец и мать, одряхлеете, я на этих же санках спущу вас в овраг».

Эти слова как обухом по голове ударили отца. Он начал вдруг растерянно моргать глазами, вспотел, у него показались даже слезы. Недолго думая, побежал он в овраг, поднял старика и повез обратно в деревню. Ему было стыдно поднять голову и посмотреть в глаза сыну. Дома он рассказал жене все, что он слышал у оврага за деревней.

С этого дня жизнь деда изменилась. Его начали баловать как ребенка малого, стали вовремя поить-кормить и всячески старались заслужить прощение. Глядя на Тимерке, они вспоминали пословицу: «Старикам окажешь почет – и сам долго проживешь, стариков введешь в нужду – испытаешь сам беду».

Кто об этом забывает, счастья в жизни не узнает.

Невестка

В одной деревне жила невестка со своей свекровью. Свекровь была аккуратная, трудолюбивая женщина, но она становилась с каждым годом все старше и старше. Больше приходилось работать невестке, но она была ленивая и все делала кое-как...

Надо толочь, к примеру, просо на крупу. Крупа еще не готова, не очищена, а невестка бежит к свекрови: «Вари кашу, крупа готова». Смотрит свекровь, видит – крупа не готова и говорит невестке: «Не готова крупа, невестка. Половина – просо, половина пшено. Потолки еще!». Через некоторое время невестка опять говорит свекрови: «Вари кашу, крупа готова». Смотрит свекровь, сердится: «Потолки еще, невестка! Здесь на три четверти крупы, на одну четверть проса». Опять толчет просо невестка, но думает себе: «Умерла бы старуха, я на одном масле сварила бы превкусную кашу из нетолченого проса».

В скором времени старушка-свекровь умерла. Как только ее похоронили, невестка принялась варить кашу. Вместо воды в котел навалила масла. Как только масло растопилось, вытряхнула в котел просо. Подкладывает дрова, радуется. Жарится просо на одном масле, весело шипит, по избе разносится вкусный запах.

«Какова будет моя каша?» – думает невестка и быстро открывает крышку котла. Оттуда, как при взрыве, вырывается жареное просо и

²⁵ Лась – летняя кухня, с очагом в середине, зимою используется как кладовая, склад.

попадает в оба глаза невестке. Так вот, не внемля советам старой свекрови, молодая невестка навек ослепла!

Жаль ее, но что поделаешь – сама виновата. Кто старых не почитает, самого несчастье поджидает. Уроки старых – на века.

Масляная каша

Одной молодой невестке не хотелось поить-кормить свою старую свекровь. Пошла она к родной матери и говорит: «Не знаю уж, когда умрет старуха. Надоела до смерти».

А мать невестки, женщина дурная и злобная, поучает ее: «Ты не жди, пока она протянет ноги, а сама помоги ей поскорей помереть. Будет уж, немало пожила. Иди домой, затопи печку, двери закрой, вынь оконное стекло и наблюдай со двора, что произойдет. Как только старуха начнет помирать, дверь распахни настежь и беги созывать соседей. Они прибегут, увидят: не только дверь, но и оконце раскрыто. Никто не узнает, что она умерла от дыма-угара».

Получив такой совет, злая невестка, дочь злобной женщины, побежала домой, наложила в печку сырых дров, чтоб дым валил особо горький, вынула раму от оконца и стала наблюдать, как из печки валит густой дым.

Старуха-свекровь, почувяв недоброе, глубоко вздохнула, собралась с силами и весело закричала:

– Густой дымок – радость в груди, каша с маслом – смерть впереди!

Как только невестка услышала эти слова, раскрыла дверь настежь, вбежала в избу и принялась варить жирную кашу. Потом позвала свекровь, стала угощать ее кашей. Угощает сегодня, угощает завтра, а умная старушка ест себе и приговаривает: «Хорошо еще, невестка скупа – масло жалеет, не то давно бы померла». Невестка изо дня в день кладет масла все больше и больше. А старуха не отказывается, с удовольствием ест: ведь кашу маслом не испортишь. Сама же не то, чтобы умирать, а поправляется, добреет. Можно ли умереть при такой жизни? Невестка, евшая только постное, худеет да худеет. Да так и не заметила, как сама состарилась.

Недаром говорят: «Старого воробья на мякине не проведешь».

Волшебная щепочка

В одной деревне жили муж и жена. Жена была женщина сварливая, острая на язык. Ей ничего не стоило мужу наговорить обидных слов. Поэтому они жили друг с другом плохо.

В той же деревне мирно проживали старик со старухой. Никто не слышал, чтобы они когда-либо ссорились между собой. Вот к этой старухе пришла легкая на язык жена и говорит:

– *Научи, бабушка, как мне быть? Мне надоело вечно ссориться с мужем, терпеть его побои!*

Когда старушка разузнала причину ссор мужа и жены, сразу догадалась, что к ней пришла женщина мелочная и вздорная, и сказала ей: «Мало дать добрый совет, требуется лечение».

– Какое лечение? Сможешь ли ты достать мне средство?

– Могу. Это средство – щепочка от волшебного дерева. Когда возвратится муж с поля или из леса, ты клади эту щепочку себе в рот, прикуси зубами и крепко держи, чтобы она не выпала.

Жена послушалась и все сделала так, как велела старуха. Когда вернулся муж, начал говорить сердитые слова, как всегда у них было. Жена же, прикусившая щепочку, ничего не отвечала, боясь, что щепочка может выпасть изо рта.

Муж, не слыша вздорных слов жены, вскоре умолк и перешел на мирный тон. Это удивило женщину. «Старуха, видимо, дала хорошее средство, муж в первый же день начал меняться к лучшему», – подумала она.

На следующий день повторилось то же самое. Муж начал было что-то сердито бормотать себе под нос, но, не встретив злого ответа, сразу умолк и заговорил совсем по-другому.

Перемена, происшедшая в жене, удивила и обрадовала мужа. На третий день он сразу заговорил ласково, как в те дни и вечера, когда был женихом.

Жизнь их пошла на лад. Они стали жить дружно, в полном согласии. Жена, исполненная благодарности за хорошее средство, не переставала в душе поминать добрым словом свою добрую старуху.

Трудно сказать, кто был виноват в недоразумениях. Быть может, жена, быть может, муж, а, может быть, и оба вместе.

Не зря же говорилось в старину:

– С сердитым – сердитый будешь, с ласковым – ласковый будешь! Пожалуй, такой же смысл и в поговорке: «Подарки-гостинцы – взаимно».

Ступа с куделью

У одной старухи все невестки оказались проворными в работе. А дочь не умела делать самую простую работу. Все дела в доме дружно и быстро выполняли снохи.

Однажды дочери старухи надо было толочь кудель конопля. Она сунула кудель в ступу, повернула пестом и, недолго думая, пошла к соседкам поговорить-поболтать. Видят невестки – дело не сделано, дружно берутся за работу и мятую, готовую кудель оставляют в ступе. Дочь возвращается, видит: кудель готова, радуется, подает матери. Такое случалось часто.

Но девицы не остаются навсегда у матери. Так и эта девушка. Вышла замуж за парня с другой улицы. Она должна была всякую работу делать сама. Ей понадобилось опять помять-потолочь кудель. Вот она сунула ее в ступу, повертела пестом и, недолго думая, побежала и новым соседкам поболтать. Наговорившись о деле, вернулась к ступе, а

дело не сделано, кудель на том же месте, без движения. В другой раз она решила посидеть у соседей еще подольше, до самого вечера. Пришла к колоде – та же история: волокно лежит по-прежнему никем не тронутым. «С этой колодой дело не выйдет», – подумала она и пошла к матери за той колодой, которая ее в девушках всегда выручала. Через всю деревню тащит ступу тяжелую. Мать бы кудель в чужой ступе легче, чем носить старую издалека. А невестки, зная, в чем дело, смотрят друг на друга, отворачиваются, прыскают со смеха.

Вот ступа от матери перенесена, поставлена на место. Молодая хозяйка сунула кудель в ступу, повертела пестом и, недолго думая, опять побежала к соседкам. Наговорившись досыта, к вечеру вернулась домой, а кудель по-прежнему не готова.

Неизвестно, поняла ли, наконец, молодлица, что дело не в колоде, а в труде, не в ступках, а в руках. Или до сих пор, сидя у соседей, мечтает о старом доме и новой колоде. Ведь результат один: новая ли колода и прежняя лень, или прежняя колода и старая лень...

Копейка

В старину портные ходили по деревням и работали на дому. Кому выполнят работу, тот и приютит, кормит и поит.

Были разные люди: один примет портного как гостя, другой потчует его как пастуха, а иной – и как нищего.

Труд портных нелегок и непрост. Не слышно было, чтобы портные от честных трудов своих становились богачами. Недаром говорилось: «Заработок портного уходит на иглу, заработок кузнеца – на железо». Работа труженика не ценилась высоко, и приходилось им туго.

Однажды один портной остановился у очень богатой, но скупой старухи. Как всегда водится у скупых, старуха скудно кормила портного. Она так и сказала портному:

– За шитье я тебе заплачу, а за пищу ты мне не заплатишь! Так и получилось: бесплатная еда не была сытной.

Как на грех, у старухи работы оказалось много – на месяц, а то и больше.

Терпел портной постную похлебку старухи день, терпел два, наконец, на третий не выдержал.

– Клади в яшкxу масла, не жалеj, за каждую звездочку масла буду платить тебе по копейке, – говорит ой ей.

Старуха, поняв выгоду, с радостью согласилась. Она проворно сходила в погреб за маслом и положила крошечный кусочек его в чашку портного. Тот же, хитро улыбаясь, приободрял старуху: «Клади, клади, старуха, масла побольше, не жалеj, ведь за каждую звездочку получишь копеечку».

Старухино масло растаяло и образовало один кружочек, затем она добавила еще: ей хотелось получить больше денег. Старуха масла не

жалела. В самом деле, от одной ложки масла сколько получится капелек-кружочков, или, как говорят, звездочек масла! Может, на целковый, а может, и больше. На базаре надо масло продавать фунтами, а тут, дома, можно продавать каплями. Однако масло растаяло и покрыло весь суп. Тут же портной вынул медный грош и уплатил старухе. Так изо дня в день старуха варила портному яшку и клала много масла, а сама, по скупости, ела похлебку постную.

В последний день портной предложил старухе масло за дешево: полушка – за одно масляное пятно. Почерпнул он ложку жирного супа из своей миски и плеснул в суп старухи. Постная яшка заиграла сотнями масляных пятен, как небо звездами. Сосчитать невозможно – червонца не хватит.

Осталась ли старуха и после этого столь же скупой – неизвестно.

Скупая вдова

Богатая вдова, скупая и жадная, пригласила к себе плотников. Они поставили ей новую баню, построили новый хлев, починили избу. Трудовой человек уход любит. Плотников принято угощать как самых дорогих гостей. И вдове неудобно отстать от людей: она напекла пирогов.

Потчует плотников вдова, саму же скупость одолевает: ей кажется, что те много едят. Она медовым голосом говорит: «Запивайте же водой, не жалейте воды, пейте воды больше». Не пирогами, а водой угощает: «Выпейте еще ковшик», – предлагает она настойчиво. Но плотники – умный народ, их не проведешь, они уже раскусили вдову, знают про ее скупость. Посмеиваются и пьют воду, приговаривая: «Выпили один ковшик – освободилось место еще на один пирожок». Едят с еще большим удовольствием: после трудов на воле – всегда ведь есть лучше.

На следующий день плотники видят: в доме нет ни одной капли воды – все спрятано. Женщина испугалась: плотники будут пить воду, чтобы съесть все ее пироги. О таких, наверно, говорили в старину: «В дождливый день каплю воды не выпросишь».

Лень причину найдет

Муж с женой жили. У них вокруг дома, у окон, высокие осины росли.

Однажды утром проснулись муж с женой и, слыша шелест, раздумывают: вставать или не вставать. Когда шелест листьев усилился, они приняли его за дождь и решили: «Поспим еще, повернувшись на другой бок, – все равно в поле нельзя работать – идет сильный дождь. Успеем еще наработаться после дождя – летний дождь не долог, а день – долог».

Проспали муж с женой до самого обеда. Проснулись: шелест через окно слышится по-прежнему. «Что же это дождь до сих пор не про-

ходит?» – думают они. Встали, вышли на улицу. Смотрят: на дороге – вчерашняя пыль, на небе – ни тучки, в деревне – ни души... Все работают в поле.

А осина, как известно, и без ветра листьями шелестит. Не зря говорили старцы: «Ни в мороз, ни в дождь не дремли – только труд обогреет, только труд высушит. Никогда не ленись – лень причину найдет».

Чеесин

Жил-был крестьянский парень. Односельчане его прозвали Чеесином²⁶. Бывает, что недоброжелатели человека прозовут хитрым, чтобы приуменьшить его хорошие качества, чтобы не считать его умным. То же самое случилось и с Чеесином. Может быть, он и не был лишен хитрости, но прежде всего был он все-таки человеком честным и правдивым, а главным же достоинством его был ум. Правда и говорят, что хитрость – тот же ум. Но Чеесин хитрость свою проявлял только в отношении людей бесчестных.

Однажды, когда Чеесин во двор вышел и начал подметать его, около него ходил гусь и издавал жалобное гоготанье: кый-кый-кый!²⁷ Это надоело Чеесину: «Я дам тебе вот кый-кый!» – сказал он и зарезал гуся. Ощипал его, сварил и отправился к барину с подарком.

Барин в это время прогуливался около своего дома. Увидев Чеесина, он спрашивает: «Куда идешь, Чеесин?».

– Иду к вам, несу в подарок гуся!

– Если так – хорошо, дай подарок!

– Зайдем в дом, вручу подарок за столом. Входят в дом. Барин велит подать на стол.

– Садитесь! – говорит.

Все садятся за стол: барин с барыней – вместе, два малых барских сына – рядом, две взрослые дочери – вместе, лишь Чеесин садится один.

– Барин, раздай и раздели лучшего из моих шести гусей, – предлагает Чеесин.

– Нет, ты сделай это сам.

Чеесин начинает делить, приговаривая вслух: барину дает голову, барыне – шею, двум сыновьям – по лапке, дочерям – по крылышку, а себе – все остальное.

Барин, не выдерживая, спрашивает грозно: «Что же ты так делишь?».

– Ты, барин, голова, тебе полагается гусиная голова. А жена – шея, управляет мужем как шея головой, поэтому ей полагается шейка.

Далее Чеесин угощал барских сыновей, приговаривая: «Вы должны быстро бегать, резвиться, поэтому вам даю по гусиной лапке».

²⁶ Чеесин в буквальном смысле означает «хитрый человек».

²⁷ Кый-кый-кый – междометие, означающее писклявое гоготанье большого гуся.

О дочерях барина Чеесин сказал, что они вот-вот улетят из отцовского гнезда, и вручил им по крылышку.

«Правильно разделил, Чеесин, – заключил барин. – Молодец. Хвалю. За находчивость дарю тебе быка. Если так же умно разделишь пять оставшихся у тебя гусей, тебе я подарю пять коней. Не разделишь – обратно отберу и этого быка».

Чеесин быстро побежал домой, зарезал пять гусей, ощипал, сварил их и притащил к барину. Тот уже около дома прохаживается, Чеесина дожидается.

– Так быстро обернулся? – спрашивает удивленно.

– А как же не вернуться быстро! Я же знаю, что вы все тут меня ждете, – ему Чеесин в ответ.

Как и в первый раз, все усаживаются за стол.

– Дели! – предлагает Чеесин.

Барин, как и прежде, отказывается: «Раздели по справедливости, справишься, дам, как обещал, пять коней. Не справишься – отберу быка».

Чеесин делит, не раздумывая: барину с барыней дает одного гуся, перед малолетними сыновьями барина кладет следующего гуся, дочерям дает третьего, себе берет двух оставшихся.

Барин не выдержал и грознее, чем в первом случае, спросил:

– Что же ты так делишь?

Чеесин спокойно, как ни в чем не бывало, поясняет:

– Я все разделил по справедливости: вас трое – ты, барыня и гусь, два сына с гусем – трое, да и дочери с гусем – их тоже трое, но и я от вас не отстал – два гуся и я, нас тоже трое. Нас стало всех по трое, получилось – поровну.

Барин от удивленья даже рот раскрыл: так его потрясла находчивость бедного паренька. Ему ничего не оставалось, как сказать: «Ай-й, ну и ну, Чеесин!».

– Пять твоих коней стали моими, – сказал Чеесин. Жалко барину своих коней. Но ничего не поделаешь: уговор таков.

Чеесин решил больше здесь не задерживаться. Не теряя времени, он вышел во двор и увел пять самых лучших коней барина.

Разбитый горшок

Старуха однажды прихворнула. Лежит она на длинной скамейке у самой двери. Около нее на пугане²⁸ стоял горшок с молоком: соседка принесла – позаботилась о бедной старухе, у которой козы, и то не было.

Глядит старуха на горшок, любитесь. Выпить бы молока, может, быстрее поправилась бы. Ан нет. До молока ли ей? Старуха размечталась.

²⁸ Пуган – табурет или чурбан, употребляемый вместо табурета.

«Продам я это молоко и куплю яйцо, – думает она. – Яйцо подложу к соседям под наседку. Вылупится из него цыпленочек. Кормить-холить его буду, чтобы быстрее вырос».

«Вырастет цыпленок, станет курицей, – мечтает старуха, – я ее на базаре продам. Двадцать пять копеек за нее дадут. На эти деньги куплю гусенка. Кормить-холить гусенка буду, чтобы быстрее вырос».

«Вырастет гусенок, станет гусем, – думает про себя старуха, – продам гуся за рубль. На рубль куплю ягненка. Кормить его, поить я буду, как ребенка малого, чтобы он быстрее вырос».

«Вырастет ягненок, станет бараном, – продолжает мечтать старуха, – продам его за пять рублей. На эти деньги куплю теленка. Ухаживать за ним буду без отдыха, чтобы быстрее он вырос. Теленок вырастет, превратится в быка, – уже вслух размышляет старуха, – продам я его за двадцать пять рублей и куплю жеребенка. Уж кормить-поить, холить я его буду, как единственного сына. Он вскоре станет быстроходным конем».

«Коня продам я, – раз мечталась старуха, – за него пятьсот рублей дадут. На эти деньги куплю землю на вечное владение. Обрабатывать ее будут работники, которых найму на те же пятьсот рублей».

«А если работники выйдут из повиновения? Если они перестанут слушаться? – подумала старуха про себя. – Куда им со мной разговаривать!» – закричала она изо всех сил и трысс! топнула ногой по пугану с молоком.

Так в необузданной сладкой мечте старуха лишилась даже того, что имела. В старину говорили: «Мечта как глиняный горшок – скорее разбивается, чем сбывается».

Ултака и суяка

Чуваш по имени Ултака²⁹ ищет себе товарища – попутчика, друга жизни. Друг-подруга должна уметь лгать не хуже его. Вот идет-бредет по пыльной дороге и встречает девушку.

– Куда идешь? Мне друг-подруга нужна, чтобы в жены взять, – говорит Ултака.

– Я согласна стать твоим другом-подругой, невестой-женой.

– Согласна так согласна, – отвечает Ултака. – Но ведь мне подойдет только подруга, умеющая лгать. И чтобы к той лжи вера была. Способна ли ты на такое занятие?

– Могу и врать верно и красиво. Обман – мой конь, ложь – моя стихия.

Ултака вдруг резко и проворно повернулся в другую сторону и громко-громко закричал:

– Беяк! Беяк!

²⁹ Ултака – имя образовано от слова «ултав», что в переводе означает «обман».

– Где, где? – спрашивает девушка, пристально вглядываясь вдаль и крутом внимательно оглядываясь.

– Нет, – говорит Ултака, – из тебя не выйдет ни надежной попутчицы, ни преданной и верной жены, с которой жить бы в добром согласии: ты не способна лгать.

Много встреч было таких. Однако так и не попадалась Ултаке подходящая напарница: оказывается, перевелись в мире великие обманщицы.

Обошел Ултака полстраны. Обошел страну. Обошел полмира. Когда отправился во вторую половину, встретил наконец девушку. Ее звали Суяка³⁰.

– Друга-попутчицу ищу, по миру идти, по жизни шагать, семьей дружной жить, – говорит Ултака.

– Что ж... Согласна стать твоей женой-другом, – отвечает Суяка тут же прямо и смело. Без обиняков.

– Умешь ли врать-обманывать? – спрашивает Ултака.

– Не пробовала. Но, наверное, можно научиться. Лиха беда начало. Лгать – трудно, но я трудностей не боюсь. Любое искусство доступно человеку. Было бы желание.

Ултака сразу приступает к испытаниям. Оглядывается по сторонам и, встав на носочки, кричит во весь голос:

– Русак! Русак!

Суяка спокойно поглядывает на Ултаку, еще спокойнее – в ту же сторону, что и Ултака, и начинает орать громче него:

– Русак и беляк! Два зайца! Оба больше жеребенка!

– Верно, что гораздо на ложь, способна, – довольный Ултака потирает руки. – Ты и в попутчицы годишься, и семьей жить – лучшей жены быть не может. Во лжи ты вдвое превосходишь меня: я выдумал одного зайца, ты и его приняла, и своего придумала. Молодчина!

Ултака и Суяка решили отправиться в большой город. Сказано – сделано: сразу вышли в путь. Дошли до города и расстались: по дороге еще договорились жить до свадьбы у разных хозяев в разных концах города.

Хозяин Ултаку усаживает за стол и начинает угощать. Кладет на стол хлеба, огурцов. Похвывается.

– В этом году урожай огурцов оказался удачным. Очень крупные огурцы! – поднимая солонку, размахивает ею. – Ведь не меньше этой солонки...

– Правду говоришь, – отвечает Ултака. – Ваши огурцы не мелкие. Есть чем похвалиться. У нас тоже в этом году немалая удача с огурцами. Огурцы – так огурцы... Однажды жеребенок-стригунок сбежал с поля, с боронования. Хотел перескочить через гурец. Бедняжка, уста-

³⁰ Суяка – имя образовано от слова «суя», что означает «ложь».

лый – не сумел, провалился в огурец. Еле-еле вытащили. Хозяин решил угостить Ултаку еще и капустой.

– В наших краях в этом году урожай капусты оказался еще более удачным, чем огурцов. Любо-дорого, – поговаривает довольный хозяин. – Ведь каждый кочан с человеческую голову.

Ултака с хозяином согласен: капуста удалась в этом году. На славу уродилась у всех в том краю.

– И у нас в этом году капуста неплоха. Недавно, вот перед тем, как отправиться сюда, вихрь поднял один вилок капусты выше облаков, вилок, стукаясь об острые края туч и облаков, развалился. И листья капусты покрыли весь наш город и соседние селения.

Хозяин понял, что гостя ни огурцами, ни капустой не удивишь. Но похвалиться-то ведь чем-то все-таки надо: мол, и они не хуже других, не лыком шиты. Решил похвалиться городом, домами.

– Видите, какие высокие дома в нашем городе?

– Да-а. Правду говорите, есть чем похвалиться, – говорит Ултака. – Дома истинно, не низкие. Но у нас в городе – дома... Ну и дома-а! Выше туч, иные – выше облаков и неба. Однажды довелось собственными глазами увидеть как петух взлетел на один дом, не на самый высокий, и выклевывал звезды... Одну звезду за другой. Выбирает покрупнее. И не спеша глотает, чтоб в горле не застряли.

Хозяин слушает и не может не дивиться. Удивление еще ладно, и сомнение его разбирает. Это понимает Ултака.

– Понимаю ваши сомнения, они вполне могут возникнуть. Но правду проверить нетрудно. В вашем городе живет сейчас одна очень честная женщина, приехавшая с наших мест.

Хозяин искал долго, но все-таки разыскал Суяку. Открывая дверь широко, предупредительно приветствует по старинному обычаю:

– Пирн килес!³¹

Суяка сердечно принимает хозяина своего мужа, приглашает в передний угол, сажает за стол. Хозяин сразу начинает свой рассказ-расспросы. Торопится. Не терпится ему узнать правду поскорее, как будто она, если есть, может улететь куда-то.

– Поставил перед твоим земляком огурцы для угощения. Он тут же начинает рассказывать об очень крупных огурцах, которые у вас уродились. Жеребенок-стригунок, пытаясь перепрыгнуть огурец, будто завяз в нем. Неужели такое возможно?

– Самой мне ни разу не довелось видеть подобный огурец, – отвечает Суяка. – А вот что видела, то видела – могу рассказать. Соседи наши все вывалили-выскребли из семенного огурца, вырубили окна, дверь и устроили баню. Получилась приличная банька – удобная.

³¹ Пирн килес – признак хорошего тона. Таким восклицанием чувашки обращаются к хозяевам дома до приветствия, предупреждая тем самым о своем приходе.

Да и красивая: желтизной издали глаз радует. Баню не только видела собственными глазами, но и мылась в ней. Ничего удивительного: с близкими соседями, и с дальними живем одной семьей – могут родственники позавидовать. В баню пошла босиком: от дверей бани до самой улицы дорожка выложена огуречными семенами – получилась лучше, чем каменная. Поэтому я не особенно дивлюсь тому, что стригунок провалился в огурец. Но я Вам скажу честно: сама этого не видела...

Хозяину трудно скрыть свое удивление. Дальше уточняет-проверяет:

– Решил угостить твоего земляка капустой. Урожай удался в этом году. А земляк твой рассказал о том, как вихрь поднял вилок капусты, рассыпался он и листья покрыли весь город. Неужели может быть на свете и такая капуста?

– Жизнь свою прожила без лжи, так ничего не могу сказать о том, чего не видала, – говорит Суяка. – Однако много диковинного в мире. Очень много! Вдруг и капуста такая может вырасти? Авось. Однажды и вправду видела, как двадцать семь крепких лошадей еле тащили одну коcherыжку. Это могу подтвердить. И поклясться могу той баней соседей.

Нет конца удивлению хозяина.

– Еще узнать хотел я про город ваш, – продолжает он. – Твой земляк восхищается высотой домов в своем городе. Будто он собственными глазами видел, как петух забрался на высокий дом и выклевывал звезды... Неужели и это правда?

– Нет, ни разу не довелось наблюдать такое, – говорит Суяка. – Но хорошо помню самый высокий дом в своем городе. Однажды на крышу этого дома забралась злая собака соседей и начала есть луну. Кусает и откусывает жадно, как сало ест. Еле прогнали. Успела уже половину сожрать.

Суяка, беседуя с хозяином Ултаки, вышла во двор. И правда, с неба светил месяц. От него осталось только чуть больше половины. Что же поделать? Правда – налицо. Хочешь – не хочешь, пришлось поверить.

На мельнице

Однажды мы с отцом поехали на мельницу молотить зерно. Отец высыпал мешок ржи в перне³² и пошел рубить лес: мельница маленькая – один только жернов, зерно мелет медленно, не скоро мука будет. Как тут без дела сидеть? Ушел и мельник. Взял ружье и пошел стрелять уток. Благо, их кругом полно.

Стою я и со скучающим видом наблюдаю, вставая на цыпочки, как медленно в перне убывает зерно. Вдруг вижу... Меня даже в дрожь бросило. Входят разбойники, на пол постелили кошму и начали пересчитывать награбленные деньги. Дрожащими руками беру я карлав³³ и,

³² Перне – ящик над жерновом, в который насыпается зерно для размола.

³³ Карлав – мешалка, вилообразная деревянная палка.

прицеливаясь в главаря шайки, бросаю вниз. Воры так перепугались, что выбежали, бросив деньги и кошму. Их страх отогнал мою трусость, вернул мне прежнюю смелость. Я спустился, собрал деньги до последней монеты, уложил в бочку, стоящую у входа на мельницу, и на всякий случай и сам спрятался в бочке: вдруг воры придут обратно за деньгами. Ребенок есть ребенок, обо всем я быстро забыл, успокоился и уснул в тепле.

Отец вернулся из леса. Искал меня, искал, так и не нашел. Поверх дров, нарубленных в лесу, положил мешок муки и поехал домой без меня.

Ночью я чихнул и проснулся. «Что же это такое?» — думаю про себя с удивлением. Щекотно в носу. Оказывается, это волк сунул в бочку хвост и помахивает им. Но он обнюхал бочку, а затем сунул свою морду и начал меня нюхать. Потом опять, почувствовав человеческий запах, стал волк хвостом в бочке трясти. Но я не будь дураком, руками и зубами крепко-накрепко схватился за хвост и изо всех сил крикнул: Аляля-а-ах!

Перепугался волк. Бедняжка быстрее ветра пронесся в сторону нашей деревни: хотел, наверно, в лес, но ведь лес за нашей деревней. Около самой околицы бочка ударилась о пень и разбилась вдребезги. Я сразу выпустил волчий хвост из рук, одновременно разжал зубы, и волк перевернулся через голову, теменем ударился о камень и подох. Собрал я деньги, с трудом дотащил до дома. Устал до смерти. Даже за волком не поехал с отцом. Он сам один привез. Ну и зажили мы после этого с отцом.

В лесу

Однажды я пошел в лес. Не в тот лес, где мой дед убил волка. Нет, гораздо дальше. На липе, в дупле, нашел пчелиный рой. Знаете или не знаете, мед лесных пчел необычайно вкусен. С трудом я оторвал соты от стенок дупла, сел в высокую траву и начал есть. Высасываю мед из сот. Жую. И вошину глотаю.

Вдруг слышу хлопанье больших крыльев над головой. Притаился. Прилетели два журавля. Схватил их за ноги и тронулся в путь, домой. От радости ускоряю шаг, затем начинаю бежать. Сам не заметил, как журавли взлетели, оторвали и меня от земли, подняли высоко-высоко. Летели-летели они, несли-несли меня. Потом один журавль, на мое горе, вздумал полететь на юг, а другой — на север. Сначала одна рука оторвалась от ноги журавля, а потом — другая. Я полетел вниз.

Разбился бы, конечно, вдребезги и ничего бы от меня не осталось. Но мне повезло: я упал в болото. Разбиться не разбился — много ли, однако, от этого радости? По шее погрузился в тину, вылезть не могу, плачу. От слез толк какой, вреда больше: жижe становится кругом — и погружаюсь глубже. Думаю про себя: «Лучше бы мне сразу разбиться, чем так страдать». Тут как на грех подходит ко мне голодный волк и,

обрадовавшись пище, начинает грызть мою голову. Я с трудом вытаскиваю руки, схватываюсь ими за волчий хвост и что есть мочи кричу. Волк как побежит! Сам не заметил, как я оказался на сухой земле. От радости не чую под собой зеленых трав и пестрых цветов, а сам-то ведь стою на твердой почве. А идти никуда не могу, все-таки устал очень, моченьки нет, рвать гнилую нитку сил бы не хватило.

С трудом влез в дупло липы и задремал. Срежь ночи проснулся от разговора. Двое мужчин, ворующие лес, разговаривают друг с другом: «Спилим эту липу, большая и ровная – хорошие чирясы³⁴ выйдут, да и на дрова много останется». Начали пилить, допилили до моих лаптей. Как только чуть задела пилой по ногам, я закричал. Воры так испугались, что, оставив свою лошадь, разбежались в разные стороны. На этой лошади я и вернулся домой. Столько было радости дома, и представить себе трудно. Хозяйство наше было безлошадным. А какова у безлошадного крестьянина жизнь? К счастью, лошадь оказалась удачной: годится и гужем, и верхом. Сколько счастья сразу привалило! Пропавший сын нашелся. Да еще липовое дерево привез.

Пастух и барин

Барин утром и вечером выговаривал своим дворовым: «Вы прожорливы, как коровы». А у него был пастух. Скорее даже подпасок. Умный мальчик. Надоело ему слушать барские упрёки. Вот он и говорит барину:

– Осмелюсь доложить: баре прожорливее, чем коровы. Это можно доказать на спор!

Барин, услышав такую дерзость от мальчика-подпаска, рассердился, но пастух тут же сказал миролюбиво:

– За правду сердиться незачем: хотите убедиться, завтра же проверим.

На следующий день, рано утром, мальчик выгнал барских коров на пышные росистые луга. Через короткое время коровы наелись и разлеглись отдыхать. Радует пастух. А помещик не верит в сытость коров: велит подносить к ним охапки травы, а коровы на траву даже не смотрят.

К вечеру пастух пригнал скот во двор, а к барину съехались гости. Хочет он в споре с пастухом оказаться правым. Угощает гостей, угощает... А столы ломятся от всякой пищи и питья. Тут и пиво, и вино, гусятина и утятина, и пареное и жареное, шыртан и тулдармыш, пажалу и юсман³⁵. Гости пробуют одно, пробуют другое, пьют то, пьют это, а хозяин уговаривает: «Кушайте, господа, чем богаты, тем и рады». А гости едят и пьют без конца. Посмеивается пастух из-за двери.

³⁴ Чиряс – посуда из выдолбленного ствола липы или осины.

³⁵ Пажалу, юсман – сдобные лепешки.

Наконец-то гости как будто насытились. Хочется хозяину сказать пастуху: «Вот все и наелись». А тот шепчет барину:

– Прикажи подать халву.

Принесли халву. Господа принялись за нее и вскоре съели все до последней крошки. Хозяин только хотел сказать: «Вот все и сыты». А пастух ему шепчет: «Вели подать йывадю».

Принесли йывадю, и гости съели их так же быстро, как и халву.

Время далеко за полночь. Близок рассвет. Но гости, наконец, есть перестали, только попивают: кто пиво, кто вино, кто карчаму³⁶. И пить вот уже перестали. Хочется барину оказаться правым, не осрамиться перед пастухом. И правда, есть надежда. «Все, как видишь, – говорит он, – сыты: наелись и напились». А пастух ему: «Пусть подадут орехов разных».

Принесли орехов разных. И гости все набросились на них. Грызть начали с полным удовольствием.

Тогда пастух сказал: «Пришла пора мне выгнать стадо на луга – солнце взошло. Баре еще не наелись, а коровы уже проголодались».

Понял тогда барин, что еде и питью не будет конца. Хочешь – не хочешь признать правоту пастуха, а делать нечего, и сказать нечего.

Барин и кучер

Однажды в холодную, зимнюю пору барин и его кучер ехали в город. Барин был одет в теплую лисью шубу, медвежий тулуп и новые валенки, а кучер-бедняк в дырявый кафтанишко, стародавние чапан, лапотки и старенький малахай.

Ледяной встречный ветер проникал под шубу, в валенки; и барин начал мерзнуть не на шутку, а кучер вертелся себе на облучке, и холод, казалось, совсем его не беспокоил.

Мороз, как говорили в старину, даже семидесятилетнего старика делает семнадцатилетним парнем. Кучер подергивает вожжами, взмахивает кнутом, а не то спрыгнет с козел и бежит себе с полверсты рядом с конем. Барин же сидит неподвижно, как истукан, и только дрожит и ежится от холода.

– Я одет много лучше, чем ты, и то замерзаю. Как ты не мерзнешь? – спросил барин у кучера.

– А мы, барин, и не такие холода переносили, – отвечал кучер. – Ты мерзнешь от того, что ветер входит в лисью шубу, а выйти обратно не может, навсегда застревает в медвежьем тулупе. Моя одежда тем хороша, что ветер в кафтанишке не задерживается: в одну дыру влетает, а в другую вылетает!

Услышав объяснения кучера, барин велел остановиться и поменялся одеждой со своим кучером: одел на себя кафтанишко и чапан,

³⁶ Карчама – легкий опьяняющий напиток из меда.

а кучеру дал лисью шубу и медвежий тулуп. Барин, как рассказывали, до города не доехал. Замерз на полдороге.

Прохлада и тень

Ранним утром с лесной прохладой³⁷ тень от посохшего дерева на лесной опушке вступила в спор. Тень старалась вытянуться, и ее конец, косо растягиваясь по земле, доходил до лесной прохлады. Сама хвасталась без меры: «Ты что есть, прохлада? Не разглядеть тебя – ни следов, краев. Полюбуйся на меня, и солнце не может меня побороть».

Прохлада, не подозревавшая того, что сама образовалась от многих теней, пробовала дразнить-подразнивать: «Эй, дура долговязая! Кому ты, тень, нужна? Солнце тебя не замечает и поэтому не светит. Оно только со мной соревнуется, но одолеть никак не может».

Целый день спорили тень и прохлада. Однако около них не было того, кому удалось бы решить спор, кто из них сильнее солнца. Тень под солнцем вставала, садилась и ложилась, растягиваясь во всю длину свою.

К вечеру спор стал еще более горячим. Тень становилась все длиннее и длиннее, дотянулась до лесной прохлады и соединилась с ней. «Без меня ни следов твоих: и лица своего не иметь тебе», – проговаривала она прохладе лесной. «Обернись назад и погляди, я скоро заслону совсем, и никто не узнает, где ты была», – спокойно отвечала прохлада.

Спор этот громкий не могло не услышать и солнце. Но в разговор не вмешивалось. Молчаливо улыбнулось, прищурилось и спряталось за углом. Весь мир оказался в сумраке. От тени не осталось никаких следов. В объятиях вселенского мрака и прохлада исчезла. Растаяла она, ничего не оставив после себя.

Без матери света, солнышка, нет сияния, нет и теней.

Рычаг, весло и пест

В лесу, недалеко от тихой и широкой реки, расположились рядом упавшие от старости клен, липа и вяз. После дождя солнце пригревало. Свет и тепло радовали даже засохшие деревья. И они, предаваясь воспоминаниям о жизни живой, начали спор. Совсем забыли о нынешней своей судьбе. Они горячо обсуждали вопрос о том, насколько каждое из них необходимо людям.

«Чуваш без меня ни дня не обойдется, – сказал клен. – Из меня он делает прочный кúсек³⁸. Без него ни один тяжелый предмет не сдвинешь с места».

³⁷ По-чувашски прохлада сулхán, – большая тень, образовавшаяся от туч и облаков, а также от многих теней. Маленькая тень – мёлке – может и не давать прохладу.

³⁸ Кúсек – рычаг.

«Сдвинуть с места – еще не дело, этим не проживешь, – говорит липа. – Из меня чуваш делает кёсмен³⁹, садится в лодку, гребет веслом и добраться может до любого места, где есть вода».

Возможно, в мире есть глупцы, делающие весло из липы, – задирается вяз, – но что может быть надежнее кисёпа⁴⁰, если его смастерить из вяза. Пестом чувашская девушка мнет кудель в ступе, затем прядет, ткет и шьет себе одежду. Чуваш больше пешком ходит, нежели в лодке плывет. Ему лапти важнее, чем лодки. Что есть прекраснее и легче, чем вязовые лапти!».

«Из вяза – лапти...» – только хотела было зло высмеять липа. Но тут все трое затихли, заметили, как к ним направляется старый чуваш с молодым. Притихли, ждут: что из трех раньше поднимут, которому из них отдадут предпочтение, оценят выше?

«Дубовый рычаг подсунь под липу, – сказал молодому старый, – немного приподнимешь и легкое дерево на руках можно до лодки донести». Отнесли липу, удобно расположили. И труженики тут же вернулись к клену. И покатали его к лодке почти играючи. С вязовым кряжем возиться пришлось долго: рычагом то с одного конца, то с другого приподнимая и разворачивая, шаг за шагом приближали к лодке. Рычаг от усталости, что ли, с треском сломался на две-три пяди с конца. Хорошо хоть сломался, когда уже последним усилием вяз был поднят до края лодки.

Рычаг, вышедший из строя, молодой собрался выбросить. Старый сказал: «Грести-то есть оба весла, но нет хвостового, Как же прямо будем править без него?». Взял топор, сломанную часть дубины отрубил, тот же конец затесал – и получилось нечто наподобие деревянной лопаты. Грести, быть может, и не годится, но чем плохо – править?

На той стороне реки липу старый и молодой положили как временную кладку от края лодки до берега, скатили по ней сначала клен, затем – вяз. Но неудача – на хвостовое весло, брошенное не к месту, навалился кряж и сломал его рукоятку под самый корень.

Молодой привязал лодку к столбу и зашагал в сторону дома. Старый спросил: «Не забыл ли взять весло, сделанное из сломанного рычага?». Молодой ответил на вопрос вопросом: «На что оно сейчас – дубина не дубина, рычаг не рычаг, весло не весло?». «Эх, сынок, – сказал укоризненно старый, – в жизни все может пригодиться. Если отрубить сломанный конец весла, оставшуюся часть в середке потесать-построгать, концы аккуратно заострить, что получится? «Сестренке пестик», – сказал смущенно молодой, пеняя на себя за недогадливость.

Оставшиеся на берегу клен, липа и вяз поняли, наконец, смысл прежнего своего спора. И получили убедительный ответ.

Все в этом мире имеет свое назначение. И горение – дело, и гниение уместно. Каждому – свое.

³⁹ Кёсмен – весло.

⁴⁰ Кисёп – пест.

Робкий чуваш и барышник

Один смиренный чуваш, – о таких говорят: тихоня, – на базаре продавал корову. Была она как в песне: черная корова как олень, хвост у нее как змея... Чтоб продать, похвала совсем и не требовалась: желающий видеть сам все хорошо видел.

К робкому чувашу подошел барышник. Пересчитал зубы коровы, потрогал вымя, пощупал молочные железы. Корова, действительно, была отменна, – непросто решиться сказать о ней хоть одно худое слово.

«Едва ли кому подойдет эта корова? У нее и молочные пути наглухо закрылись», – сказал барышник.

«Молочные пути давным-давно у несчастной закрыты, никакого просвета нет и надежд – никаких», – вторит ему владелец коровы.

«И вымя – как пустой мешочек, не то что масла, но и пахтанья едва ли можно ждать?» – не унимался барышник.

«Добрый человек, на что-нибудь путное едва ли можно надеяться: вымя высохло давно, так для вида висит как пустая сума, нищенки в голодный год», – говорит хозяин.

Барышнику и этого мало: «И зубов некоторых недостает», – говорит он опять.

«Да только ли – некоторых? Скоро будет десять лет, как выпал последний зуб. Не то, чтоб ржаную солому, но и нежное сено не может прожевать», – говорит чуваш, грустно вздыхая.

Барышник без устали хулит корову, чуваш не просто соглашается с ним, а еще хуже отзывается о своей корове. Проклинает корову, от досады плюет в ее сторону. «Пропади она пропадом!» – проговаривает зло сквозь зубы. Барышник говорит-говорит и смолкает в растерянности, слушает-слушает с удивлением и не знает, как ему быть дальше. Набрасывается с угрозами на хозяина коровы. Орет. Бранится. Однако, успокоившись, спрашивает:

«Почему я хую твою корову – и дураку ясно. Однако, зачем же ты так дурно говоришь о своей корове?».

«Добрый барышник, мне забавно было смотреть на человека, потерявшего стыд. И я ругал корову, чтоб помочь тебе вернуть хотя бы капельку стыда», – поясняет тихоня.

Собравшиеся вокруг люди, глядя на это забавное состязание, хохочут. Когда надо, и к робкому приходит смелость.

Хралка

Рассказывают, что некогда в нашей деревне жили старик со старухой. Они имели годовалого бычка. И был у них один-единственный сын по имени Хралка. Старик со старухой так лелеяли сыночка, что даже не разрешили бегать по улице – вдруг упадет, играть с детьми – вдруг побьют,

пасти бычка – вдруг забодает, работать в поле – вдруг устанет... Поэтому Хралка и в семнадцать лет не имел ни понятий, ни друзей, ни умений. А у семилетнего должно быть семь друзей, семь сноровок, семь ремесел, а дум семижды семь. Доброму же молодцу и семидесяти семи умений мало.

Старик со старухой позвали однажды сына и стали сообща советовать: продать бычка или забить на мясо. «Если мяса получится мало – бычка выгоднее продать, а если много – забить», – решили они. Но кто может точно сказать, сколько получится мяса от бычка? Чтобы узнать это, решено обратиться к знаменитой гадалке. Сходить к ней в далекое село должен был Хралка.

Гадалка посмотрела на солнце, на Хралку, затем в угол и подпол, пошвыряла за печкой, пошуршала чем-то в чулане и высчитала, что мяса получится полтора пуда.

Хралка, чтоб не забыть, бодро и весело повторял: «Полтора пуда, полтора пуда, полтора пуда».

Вот идет радостный Хралка домой, а у дороги крестьянин сеет рожь. Парень громко заученное твердит: «Полтора пуда! Полтора пуда!».

– Как так? – возмущается крестьянин. – Как полтора пуда?! Высеваю тысячи зерен, а ты сулишь полтора пуда. Пророчишь голод моим детям. Если бы ты был добрый человеком, говорил бы благопожелание: «Из одного – тысячу, из одного – тысячу!».

Хралка идет своей дорогой. Радость его поубавилась порядком, но шаги бодры по-прежнему.

Со стороны деревни, показывается похоронное шествие, гроб несут на погост. Поравнявшись с ним, Хралка старательно повторяет только что услышанный наказ:

– Из одного – тысячу! Из одного – тысячу!

«Как это так: из одного – тысячу! – возмущаются люди. – У нас из-за одного неутешное горе! Скорбь на все село. А ты предсказываешь нам тысячу смертей, чтобы в селе не осталось ни одной живой души. Если бы ты хотел быть разумным, то должен был бы восклицать иное благопожелание: «Пусть возвратится назад, пусть возвратится назад!»⁴¹.

Хралка, не особенно бодро шагая дальше по дороге, тем не менее уверенно и громко повторяет:

– Пусть возвратится назад! Пусть возвратится назад!

Но в это время на пути показалась шумная веселая толпа, празднующая свадьбу. Когда она поравнялась с Хралкой, в растерянности остановилась, услышав: «Пусть возвратится назад!».

«Как так – возвратится назад?! – возмущаются гости и зрители. – Мы радуемся, даем благословенье на семейное счастье, а ты желаешь возвращения назад. Как только нас увидел, ты должен был весело хлопать в ладоши и подпевать нам».

⁴¹ По старинному поверью, душа мертвого вселяется в новорожденного и возвращается назад.

Тут по спине Хралки дружно прошлись барабанные палки, подсказав ему житейские порядки. Веселье вернулось опять, и Хралку отпустили.

Все делает старательно Хралка, и все — невпопад. Идет уже невеселый, понутив грустно голову. Но в этот раз-то уж не ошибется, не подкачает. Угодит в цель непременно.

Дошел до деревни. А там пожар. Люди плачут, мечутся. А Хралка глазееет на толпу, на пламя и дым, весело хлопает в ладоши и с усердием поет свадебные частушки.

«Дурень ты, дурень! — говорят ему. — Если бы ты желал нам добра, взял бы ведро, принес воды и плеснул в огонь. А ты стоишь, хлопаешь в ладоши, да еще поешь свадебные песни».

Погорельцы помяли бока Хралки. Кто-то даже багром его стукнул. Отпустить-то все-таки отпустили.

Вот идет Хралка дальше. Когда подошел к следующей деревне, у крайнего дома видит, как поднимается густой дым над амбаром. Люди палят свинью. Хралка, недолго думая, несет ведро воды и выливает на свинью. Люди, занятые делом, конечно, разгневаны. Бьют его заступом и приговаривают:

«Если бы ты желал добра, взял бы железный заступ и скобил бы палево!».

Многому научили люди Хралку. Горькие уроки сделали его осторожным. И больше он не ошибался. Идет дальше. Прихватил железный заступ и держит его на плече, как по старинному обычаю, солдаты ружье. На краю деревни, за околицей, вдруг Хралка замечает, как один еле волочит ноги с прилипшей к лаптям грязью и глиной. И вдруг, не выдержав тяжести, мочальные оборки одного лаптя оборвались. Увидев это, Хралка услужливо подбегает и начинает старательно счищать с лаптя прилипшую тяжелую глину. Человек, не удержавшись на одной ноге, шлепается в грязь.

«Эх, балда ты, балда! — сердится встречный. — Если бы ты был разумным, должен бы с презрением пройти мимо, сказав сердито: «Тьфу, тьфу! Вышел в путь-дорожку, а оборки не мог себе свить прочные, пеньковые?». Вот как должен был поступить хороший человек!».

Хралку уже начинает одолевать грусть-тоска. Он идет дальше, недоумевая, с чего это его слова и дела все время оказываются некстати! Однако не забывает повторять наказ прохожего:

— Тьфу! Тьфу!

Вот Хралка приходит в соседнее село. А там ходят по улице с иконами. Парню, напуганному неудачами, хочется угодить людям. Подходит близко к молящимся, начинает плевать и кричать:

— Тьфу, Тьфу!

А народ шумит — возмущается, проклятья Хралке шлет: «Если бы ты был разумным, ты стал бы на колени и отбил поклоны».

Выйдя из села, бедный Хралка, не переставая, становился на колени и отбивал поклоны. Не зная усталости, он кланялся и кланялся пус-

тому полю, оврагам и кустам на обочине. Кланялся до тех пор, пока не вспугнул зайца, за которым охотился охотник. Он, возмущенный тем, что из-за Хралки упустил зайца, малость поколотил его прикладом, приговаривая: «Если бы ты хотел добра, ты бы шел тихо вдоль оврага, крадучись, прячась за кустами. Эх ты, бестолковый, бестолковый!».

Измученный неудачами, встречами и приключениями, он к вечеру добрался, наконец, до своей деревни. Пробирался он скрытно вдоль оврагов, прячась за кустами. У околицы девушки постилали холсты – то ли сушить, то ли отбеливать, – приняв Хралку за вора, побросали в него свои коромысла.

Измученный Хралка еле добрался до отца с матерью. Сколько он принял насмешек и побоев за слова, сказанные не к месту, и поступки, совершенные некстати! Зачем Хралка ходил в дальнее село, об этом он забыл. Только мог устало промолвить: «Полтора пуда, из одного – тысячу, пусть возвратится домой...». Невесело хлопая в ладоши, напевал веселую песенку, плевался и клал поклоны отцу-матери.

Родители смотрели-смотрели на сына и заплакали. Годовалый теленок стал красавцем-быком. Красавец Хралка так и не стал добрым молодцем. А жаль!

Большой палец

Мизинец почему мерзнет? Потому что маленький. А как же он очень быстро согревается? Да он же тесно прижат к соседу.

С чего тогда большой палец мерзнет? Не потому, что большой, а потому, что один-одинешенек. Не только в перчатке, даже в рукавице он один. Один, но – что ни говори – главный, голова⁴², так сказать.

Когда сильно замерзнет палец, большой, братец старший, перебирается к младшим братьям. Но как только согреется, так тут же начинает задираться. Забывает добро. Отворачивается от своих спасителей.

Как поступить, чтобы пять братьев тесно прижались друг к другу? Что надо делать, чтобы десять братьев оказались вместе?

Дружно приняться за работу. Братся за метлу, лопату, молоток, рубанок взять в руки. И в мороз трескучий станет жарко, вспотеет рука. Сначала – правая. Затем и левая. Скинешь рукавицу. И большой палец будет вместе со всеми. Задираться тут же перестанет. Один палец – лишь палец. Им только в носу ковыряться. Пять пальцев вместе – это много. Целая рука. Правая или левая. Но рукой одною и узел не завяжешь.

Десять пальцев вместе – это сила. Две руки. Пара рук. Многое могут. А с головой вместе – все могут.

⁴² На чувашском языке большой палец называется «головной», в значении есть оттенок «правляющий», «господствующий».

ДУБ И СОЛНЦЕ. РАССКАЗЫ И ПРИТЧИ

Мать и сын

Когда наступило время убирать горох, жена сказала мужу:

– Нечего кормить без толку твою дряхлую мать. Возьми ее на уборку, пусть поработает!

Жена сказала это потому, что сама была ленива и хотела посидеть дома. Одной ей было лучше – есть и пить все самое вкусное и сладкое.

– Когда будешь косить горох, – наставляла она мужа, – последи за матерью. Не съела бы все.

Мать и сын приступили к косьбе. Желая испробовать свежий горох, старуха положила себе в рот горошину, но, не имея зубов, не могла разжевать. Ждала, когда горошина размокнет. А сын, заметив, что мать все время что-то жует, подумал: «Ведь правда, весь горох съест. Однако до обеда ничего не сказал, а когда запряг лошадь, сквозь зубы проворчал:

– От твоей работы, мать, нет никакой пользы. Все, что убираешь, поедаеть сама. Отвезу-ка я тебя домой!

Потом он усадил мать в телегу, сердито хлестнул лошадь и покатил домой.

Когда доехали до дома и старушка стала сходить с телеги, горошина выпала у нее изо рта. «Несчастливая я, несчастная, – сказала старуха сквозь слезы, – единственная горошина и та выпала. Так и не попробовала горох нового урожая».

Услышав это, сын усадил мать обратно в телегу и поехал опять на гороховое поле. Но спешил он напрасно: на поле от гороха ничего не осталось. Вороны, журавли, галки вылушили горох, дочиста прибрали, ни одного зернышка не оставили. А разный скот доедал уже и стебли гороха.

Мудрые старцы недаром говорят:

«Кто отца-мать в слезы введет – счастья в жизни не найдет. Мать – святыня, сама она – богиня. Бога забудешь – и то мать помни».

Раз совершь, два совершь – себе несчастье навлечешь

Один чудной парень с детства любил шутить. Однажды, ранним утром, выйдя на улицу, он крикнул изо всех сил:

– Волки! Волки!

Сбежались соседи и видят: волков нет и в помине, а глупец сидит и хохочет, что обманул честных людей. Люди пожурили его и разошлись по домам.

В следующий раз, в чистый полдень, он закричал еще громче:

– Пожар! Пожар!

Опять сбежались люди и видят: никакого пожара нет, а парень сидит себе и хохочет, что такой переполох устроил.

Но в следующий раз, темной ночью, к парню забрались грабители. Парень выскочил на улицу и закричал:

– Воры! Воры!

Соседи подумали, что парень опять шутит, и не пошли к нему. А воры так обчистили парня, что даже рубаху сняли.

Утром видят соседи: сидит на завалинке парень и плачет. Но никто его слезам не поверил: подумали, что шутит, как всегда, притворяется. Или опять обманывает.

Недаром старики говорили:

– Не думай, что ты обманул людей, ты обманул самого себя. У лживого и правда обманчива. Один раз обманешь, два раза обманешь, в третий раз – заплачешь.

Погреб

Когда-то, наверное, очень давно, в деревне нашей, соседней с вашей, жил старик с двумя сыновьями.

Однажды старик велел сыновьям починить погреб. Его он выкопал в свои молодые еще годы. Сыновья приступили к работе, а старик сверху смотрел, советы давал, учил-наставлял. Погреб крепок не камнями, а отцовскими советами.

«Будете менять потолочные бруссы – ставьте подпорки», – советовал он.

«Ладно», – ответили сыновья. А сказали они просто так, для вида. Знали, что отец не спустится в погреб, проверить не сможет.

Сыновья торопились быстрее закончить дело и к советам отца отнеслись с усмешкой.

Работа уже подходила к концу, как вдруг грузная глыба земли обвалилась и похоронила обоих сыновей. Они так и не услышали, как убивался и рыдал старый отец.

И погреб станет могилой, когда нет старания. Советы старших – что заветы предков. Ум старых – как подпорки. Без них обвалятся горы, вывернутся наизнанку пещеры, выйдут из берегов моря, опрокинутся небеса – мир держится на мудрости старых и силе молодых.

Дорого ли стоит рубль?

Мальчику понадобились деньги. Но отец ему сказал: «Сходи, сын мой, заработай сам. Не надейся только на меня».

Сын пошел тогда к матери, и мать дала ему рубль.

Когда вернулся отец, сын показал ему рубль как заработанный им. Чтоб испросить разрешения истратить на себя немного.

«Вот, отец, заработок мой. Возьми его себе, а мне дай пять копеек».

Отец бумажку взял, посмотрел и, ничего не сказав, кинул в пылающую печь. Рубль ярко вспыхнул и вмиг превратился в пепел. Сын ничего не сказал, будто в печке не рубль, а береста горит. «Это, сынок, не потом трудовым добытые деньги», – произнес отец с горечью. А про себя подумал: «Мальчик пытается обмануть отца. Выйдет ли из него толк?».

Потом он сказал сыну: «Леность и обман – два родных брата. Сходи, заработай сам, сколько сможешь. Ценность жизни узнается в труде. Будь настоящим человеком!».

На следующий день мать, пожалев сына, опять вручила ему бумажный рубль: «Как вернется отец, скажи, что сам заработал эти деньги», – поучала она.

Когда вернулся отец с работы, мальчик подал ему бумажку, но отец тут же кинул ее в пылающую печь. Сын повернулся и ушел: даже не досмотрел как горит рубль. «Это не трудовой рубль, не трудовые твои деньги», – сказал отец.

У матери денег больше не было, отец их не давал, сыну волей-неволей пришлось отправляться на заработки. «Отца не обманешь, а если и обманешь, добра не будет», – подтвердила, наконец, и мать. Дошли и до нее все-таки разумные доводы.

Сын трудился в поте лица от восхода до захода солнца, устал, руки с непривычки распухли: ведь мозоли – не от трудов, а от неумения. Но все же заработал он серебряную монету – десять копеек.

Вечером, вернувшись домой, он показал монету отцу. Отец взял ее и собрался кинуть деньги в пылающую печь. Но сын понял его намерения и, забыв, что серебро в огне не сгорит, тут же подбежал к отцу и схватил его за руку.

«Что ты делаешь?! – в страхе вскрикнул сын. – В этой монете целое море пота».

«Теперь верю, сын мой, – ответил отец радостно. – Это – трудовые копейки. Ты их заработал. Только тот, кто трудится до пота, знает цену добру».

Ум и дым

Престарелый отец захотел наставить на путь истинный своих детей. Однако дети не стали слушать его: торопились на веселый пир.

– Мы сами с усами! Сами разбираемся, что хорошо, что дурно. Ты уже старый, чтоб нас учить – и силы не те, и ум не тот, – объявили они, уходя из избы.

– А вы, дети, напрасно меня не слушаетесь! – сказал отец. – При вашем легкомыслии скоро перестанет у вас виться дымок из дымохода отцовского дома. Дым-то бывает разный: легкий и тяжелый, горький и сладкий.

Сыновья не дослушали отца, ухмыльнулись только про себя, подумав: «Эка невидаль – дым».

Отец вскоре умер. А дети умершего наложили в печку гнилой соломой, со снегом пополам, подожгли и любовались, как валит густой дым, черный и тяжелый.

– Отец-то говорил ведь чушь. Дымоход задымил лучше прежнего!

Проходила мимо соседка.

– Отец-то думал, что способны вы не только дымить, но и думать, – сказала она. – Сладкий дым щекочет нос, от горького – слепнут глаза. Легкий дым уходит в небо, а тяжелый запирает грудь, белый греет дом, желтый небеса, черный дым – к несчастью, голубой – к веселью. Чужой дым – чужой дом, свой дым – и ум свой... Опыт отцов – сыновьям наука!

Отец знал своих детей и о дыме сказал не зря. Какое может быть тепло в сырой соломе? Ах, если бы дело было только в дыме!

В первую ночь сыновья продрогли и перешли жить к соседям. Дым из трубы отцовского дома не показывался больше.

Ума нет – так и дыма нет.

Камень и снег

Один мальчик, старательно учившийся в школе, через полгода научился хорошо читать и писать. Он читал своему деду разные книжки, а тот внимательно слушал. И, довольный, улыбался.

Наконец, деду самому захотелось научиться читать. Вот внучек стал ему показывать буквы. Некоторые буквы старый человек запомнил, а некоторые никак не мог запомнить. Как ни старался он, а читать гладко, как внук, научиться не мог.

Удивляется внучек:

– Как же так получается, дедушка? Я, хотя и маленький, могу хорошо читать и писать, а ты никак не можешь?

А дед ему отвечает:

– Недаром, сынок, говорят: «Если не выучишься в молодости, в старости трудно научиться». Потому что старый человек быстро забывает, память у него слабая. Усвоенное в детстве – на камне, а усвоенное в старости – на снегу.

– А что это значит, дедушка?

– А это значит, что всякое знание надо усваивать с детства. Что такое снег? Его и ветер уносит, и под солнечными лучами он тает, а камень лежит сотни лет – а все такой же.

Задача

Не особенно давно, лет сто назад, приехал в далекое от Симбирска село учитель мудрости и человечности, учитель учителей. Приехал он,

чтобы осмотреть школу, открытую когда-то им самим в курной избе. А сейчас уже имеющую дом с двенадцатью окнами и шестью дверями, одна из них – вход в школу, другие – в классные комнаты и квартиру учителя.

Двенадцать окон и шесть дверей... Почти восемнадцать лет ютилась школа в крестьянской избе. Сколько мучений принял на себя Учитель народа⁴³ в течение восемнадцати лет, ушедших на заботу о строительстве школы в глухом селении! Так и не отступил от своих намерений, добился-таки своего. Поэтому он торопился, и приближение к селению прибавляло радости в нем.

И вдруг... У самой околицы супонь на хомуте развязалась. Лошадь наступила на ее конец и – ни с места. Быстро слез с саней учитель. Завязать бы тут же и ехать дальше. Ан нет: прислушался к разговору матери, собирающейся на речку толочь и полоскать белье с сыном. Со стороны смотреть, учитель и не слушает и слушает. Или, быть может, не слушая, слышит. Ремень для стягивания хомутных клешней опять отпустил.

«Тимерке, – говорит мать, – два ведра замоченного в зольном растворе белья донесу как-нибудь сама. Привези мне, родной, на санках ступу для толчения белья и оба песта...».

«Ну еще!.. Мне надо к Юманке. Мы с ним условились встретиться и порешать задачи вместе», – сказал сын и, весело подпрыгивая, пробежал, почти задевая учителя, в сторону ближайшего переулкa. Огорчилась ли мать из-за отказа сына помочь ей или обрадовалась тому, что сын растет ученым, – со стороны было не понять. Ведра подвесила на концы пестов и навалила на одно плечо, ступу поставила на санки и поплелась на речку близкую...

Учитель учителей, приехавший издалека, побеседовал в школе с детьми, проверил их знания и умения, рассказал сказку. Попросил учеников спеть древний народный гимн «Алран кайми». Дети с душою, проникновенно пропели дважды строки об отце и матери, память о которых священна и вечна.

Завершил проверку школы учитель задачей:

«Сумеете ли решить?» – спросил он тихо, едва слышно. И добавил громко: «Пусть каждый попробует решить ее сам. Быть может, что-нибудь и получится. Трудности будут – спрашивайте у деда с бабушкой, у старших сестер и братьев, в крайнем случае – у матери с отцом. Условие задачи общее для всех, а решение – свое для каждого. А ответ едва ли сумеете выразить в числах...».

Недоумевали дети, слушая учителя учителей: задача воспринималась как сказка.

«В вашем селении жил мальчик двенадцати лет. В нем, как и во всяком своем ребенке, мать души не чаяла. С того мига, как он появился на свет, постоянно заботилась о нем. Сколько бессонных ночей провела

⁴³ Так называли в народе чувашского просветителя И.Я. Яковлева.

у колыбели?! Молоком из груди своей кормила, мыла-купала, на дню много-много раз меняла мягкие теплые пеленки. Ручонки целовала, в пузо дула, спинку гладила, ножки щекотала...».

«Этот ребенок был таким, что пеленки требовалось менять гораздо чаще, чем обычно», — говорил учитель, добро улыбаясь. И поглаживал свою седую бороду, закрывающую грудь. Когда он гордо поднимал голову, внушительная борода, казалось, тоже делает детям какие-то знаки, как бы обращаясь к ним. Борода-то серьезная и требовательная.

Ученики слушали внимательно. Но продолжали недоумевать. Поглядывали друг на друга с удивлением. Глазами как будто спрашивали: «Что тут решать-то?».

Учитель говорил взволнованно. Отдышавшись, поправил бороду и продолжал дальше. Рассказывая, наблюдал за детьми. Говорил он долго.

«Как только мальчик этот научился ходить, так он, задевая об острые углы, рвал рубашки и штаны, распускал по швам, отрывал и терял пуговицы и крючки, пачкал. По вечерам мать укладывала спать своего ненаглядного ребеночка и долгими ночами стирала-чистила, шила-пришивала, заплатку на заплатке ставила».

«Маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки». Так и с этим мальчиком. Надо приучать к труду, наставлять уму-разуму. В день три-четыре раза мальчик просил поесть. Пищу не вынешь и не положишь, надо готовить. Каких только нет дел при приготовлении пищи! Достать картофель из подпола, мыть и чистить его, накрошить, принести воды, повесить котел, разжечь очаг, ждать, пока сварится, снять, поставить на стол, следить, чтобы остыл... Ребенок уже сыт, а дел у матери — еще полно: убрать со стола, мыть посуду, остатками еды покормить кур, дать корм скоту... Мелкую работу не видно. Ежедневно мать не менее семидесяти семи разных дел делала для своего ненаглядного солнышка. Но мы с вами давайте условимся для облегчения задачи: мать в день делала тридцать дел разных. А сын, краса и гордость матери, без ее просьб по своей воле не выполнял даже одной-двух работ. Тридцать разных дел на дню, — а в году дней-то 365. Сын достиг двенадцати лет. Узнать бы, точно подсчитав, сколько разных дел переделывала мать за эти годы для блага своего милого, дорогого сыночка».

Дошло, наконец, до учеников четвертого класса, чего от них хочет старый учитель. Они поняли, что решать, вычислять и определять. Однако учитель, не дав детям решать первую часть задачи, повел свой рассказ дальше.

«Сын до двенадцати лет не помогал матери. Занят был играми, забавами, товарищами, книгами... Много добра ему от матери было, а ей самой — пока и «спасибо» не досталось. Огорчений же — бесчисленно. Предположим, что сын с завтрашнего дня — еще лучше с сегодняшнего — начал помогать матери. По своей доброй воле делая десять разных

полезных дел в помощь своей доброй и заботливой матери. Сколько же лет потребуется мальчику, чтобы отплатить матери добром за добро? Хотя бы количеством разных дел. Пусть – и простых, и легких...».

Первую часть задачи не успели закончить дети, условие задачи стало сложнее и труднее. Работы стало намного больше.

«Отвлекать вас больше не буду. Я кончил. Решайте», – сказал учитель. И отошел к окну.

Ученики посильнее вскоре решили задачу. Старый учитель подошел к Юманке. Заглянул в тетрадь. Старательно решал задачу сидящий рядом Тимерке. Однако учитель не удостоил его даже мимолетным взглядом.

У многих ответы получились одинаковыми. Верный ли ответ, вдруг ошибка? Если мать перестанет заботиться о сыне – ответ верен. А если же, как и раньше, делает тридцать разных дел, а сын ей отвечает добрыми делами в три раза меньшими по количеству, то долг у него будет возрастать ежедневно. Мать за сыном так заботливо смотрит до достижения им двадцати лет. Можно ли когда-нибудь отблагодарить мать добром за добро? Посильно ли это каждому? Если изо всех сил постараться, наверное, – можно. Посильность – не в силе сына, а в любви его к матери.

Учитель попросил детей подумать над задачей еще и дома. Для большей точности посоветовал принять во внимание и последнюю оговорку.

«Перед матерью мы все в громадном долгу, – сказал учитель учителей на прощанье. – Если мать даже угощать ежедневно блинами, испеченными на своей ладони, и то долг не сумеешь вернуть сполна, не отблагодарить ей добром за добро. Слышали ли эти слова чувашских старцев?».

«Слышали!» – кричали все. – Помним! – сказал громче всех Юманка. Один лишь Тимерке не произнес ни единого слова.

Когда учитель учителей собрался в обратный путь, все дети вместе со своим учителем вышли его провожать. Вышел, конечно, и Тимерке. Но почему-то постарался остаться незамеченным, спрятавшись за спины своих товарищей.

Голос в крапиве

На окраине села Яковлев придержал коня, и тот прекратил свой легкий бег рысью. Когда отпустил натянутые вожжи, конь пошел медленным спокойным шагом. И вдруг... Педагог услышал плач ребенка. Яковлев торопливо спрыгнул с тарантаса и привязал коня к столбу полевых ворот.

Разрывалось сердце от детского всхлипывания, прерываемого громкими недетскими причитаниями ребенка. Однако, где же оно, это

плачущее дитяtko? Яковлев старательно осматривался, внимательно вглядывался во все, что есть поблизости, но все равно разобраться не смог, откуда доносится плач.

Подальше отошел от коня, чтоб тот не мешал частым и шумным дыханием. Остановился. Постарался напрячь слух. И прислушался внимательнее возможного. Рыдания исходили, оказывается, из крапивы. Это удивило Яковлева. На том месте, где раньше стояла изба, росла крапива – высокая и крупная! И густая. Как лесная чащоба. Когда Яковлев вплотную подошел к этой роще, он заметил, как качаются верхушки крапивы.

И детский плач начинался в том именно самом месте. Но ребенка не было видно. Или столь жалобно всхлипывает крапива сама?..

– Дитя родное! Милая крошка! – звал Яковлев. В этом зове – учительская ласка и отцовская нежность.

Услышав зов, ребенок перестал плакать и выполз из крапивы. Лицо, шея, грудь были кроваво красны, голые ножки – еще более красны. Все тело покрылось волдырями.

«Чего же ты так горько плачешь, сын мой?» – ласково спросил великий учитель. То ли хотел успокоить участием, то ли хотел узнать причину слез.

Вопрос-то, наверное, был совершенно лишним: старая крапива, поднявшаяся выше конопли в урожайные годы, могла вызвать слезы у одетого мужчины, не то что у ребенка, почти голого.

Повидавшего немало на своем веку Яковлева ответ ребенка потряс неожиданностью. Он ни за что не смог бы даже предсказать такой ответ. И в мыслях не могло быть его. Вот что услышал педагог от ребенка, едва научившегося говорить:

– Кр... Кррани... Кант... Куда-то подевался крантташ!⁴⁴

Маленький мальчик потерял кем-то подаренный ему карандаш. Рыдая и всхлипывая, его ищет он, несчастный. Плачет не из-за волдырей, а из-за потери.

Не переставая всхлипывать, мальчик опять становится на колени перед крапивой, раздвигая крапиву, входит в чащобу. Ползая среди ядовитых листьев, жгучих веток, колючих стеблей, ищет пропавшее сокровище. Растения бьют широкими жесткими листьями по лицу, твердыми стволами колотят по ногам, а цветы-семена падают на шею, голову, попадают в глаза... Не видит этого мальчик, не ведает. Ничего не чувствует. Ему не больно. Босыми ножками ступает он на крапиву, до земли наклоняя ее. Голыми коленками он давит, ломает, разрушает ее. Недетская сила ребенка напряжена до предела. Забыв про все на свете, устремлен он весь, этот комочек мечты и желаний, устремлен вперед. И движение это неодолимо. Едва ли в мире найдется сила, могущая остановить его.

⁴⁴ Крантташ – карандаш.

– Куда же подевался крантга-аш?

Вытаскивает Яковлев сопротивляющегося ребенка из крапивы. Гладит его, прижимает к себе. Обнимает и ставит на землю.

Стоит задумчиво Яковлев. Он не слышит ни ржання, ни нетерпеливого топання пляшущего на месте коня, ни натянутого повода узды – оборвется она или свалится столб... Детский плач, доносившийся недавно из крапивы, заглушил для педагога все звуки мира. Слезы ребенка стали и его слезами, застилая ему глаза, закрыв вселенную от его взора. В ушах его надолго свил гнездо голос малютки. Он слышал его повсюду, будучи не в состоянии воспринимать даже пенья птиц, шелеста трав и журчання родников...

Найдется карандаш, золотко родное, сыночек ненаглядный...
Найдется...

Без конца шептал едва слышно старый педагог эти слова.

Со стороны казалось, шепчет про себя молитвы.

Именем учителя

Одного русского, спешившего в какую-то даль, настигла ночь около чувашской деревни. Стало темно-темно. Дороги не видно. Идти дальше – только блуждать и заблудиться. Странник подошел к крайнему дому и постучался в окно.

Чуваш широко растворил окно и высунул голову:

– Что угодно?

– Во имя господа бога прошу, пусти ночевать!

– Во имя бога? Нет, нет! Убирайся с глаз моих. Удалась рожь, колося были тяжелыми – град все погубил, на семена не осталось. Добр ли бог? Да будь он проклят...

– Во имя бога не пустишь... так именем царя прошу, на одну ночь предоставь кров.

– Чтоб духу твоего не было около моего дома! Быстрее проваливай, проваливай! Была единственная буренка, кормилица моих деток, и ту царь отнял из-за недоимок. Дважды будь он проклят, наместник бога – за себя и за бога тоже.

– Раз так, прошу именем священника-батюшки: пусти на квартиру.

– Не жди и не надейся – не пушу. Женил сына, поп до последней копейки обобрал за венчание. Да будь он трижды проклят – за себя, за царя и за бога.

Странник стоял в растерянности. Слова не может придумать. И вдруг осенило его. Он молвит:

– Ради учителя пусти на одну-единственную ночь!.. Засов в сенях тонко скрипнул, дверь открылась, чуваш сам вышел на улицу.

– Добро пожаловать. Заходите. От всего сердца приветствую, вся семья готова принять тебя. Для нашего дома ты самый желанный, са-

мый дорогой гость. Погости у нас сколько хочешь. И не верь чувашской поговорке: в первый день – гость дорогой, во второй – брат родной, в третий – лук горький...

Русский и чуваш до первых петухов засиделись за столом. Разговорам не было конца: будто встретились давние закадычные друзья, расставшиеся год тому назад. Оба с благодарностью вспоминали Ивана Яковлевича⁴⁵, хвалили его, восхищались им. Стали друзьями неразлучными. Побратались.

Раны яблони

Кто-то посадил яблоньку-однолетку. Без ветвей совсем, тонкий прутик. Около нее возился чаще, чем у других яблонь. Поливал, рыхлил, окапывал. Ухаживал как за ребенком малым. Труд не пропал зря: росла яблонька быстро, стала крепенькой. К началу уже третьей зимы стала выше меня. И трехлетние ветви длиннее рук моих.

Однако в конце зимы, к весне, случилась беда: две самые большие ветки сломались под тяжестью сугроба. Что делать? Оказал неотложную помощь: аккуратно сделал перевязку ран, укрепил, чтоб не отвалились, крепко привязал к стволу, туго натянул веревку.

Одну ветку так и не сумел сохранить: не зажила-таки рана, отвалилась ветка и посохла; вторая поправилась, в течение лета хотя и немного, но выросла все-таки.

Все лето особенно старательно смотрел за раненой яблоней.

Всеми силами пытался облегчить ее страдания. Хотелось, чтобы она быстрее оправилась от беды.

Покою не давала мне яблоня до самой осени, до тех пор, пока не осталась совсем без листьев. Огорчало вот что: другие яблони стали выше, выросли на длину с локоть, а то и больше, эта же за лето едва прибавила в росте на палец. Недоумевал. Спрашивал себя, ответа не находил. Ходил вокруг яблони. Вглядывался в почки, листья, ветки, кору, рассматривал и корни. И на цыпочки становился, и садился около яблони. Наклоняясь, лбом почти задевал землю по краям приствольного круга. Горевал из-за того, что прекрасная яблоня становилась жалкой и несчастной среди своих подруг.

Осенью осмотрел сад и еще раз остановился у печальной яблони. И вдруг понял свою вину, обернувшуюся бедой милому дереву. Перед живым зеленым другом стало неловко. Покраснел от стыда. Веревка, которой обвита ветка и привязана к стволу, перестала быть видной: она глубоко врезалась в нежное тело родного мне дерева и почти задушила его. Веревку даже силой вытащить нельзя, она срослась с корой и осталась в ней.

⁴⁵ Речь идет о просветителе чувашского народа Иване Яковлевиче Яковлеве.

Рассчитал, что помогу юной яблоне, облегчу ее страдания от ран, нанесенных жестокой зимой, снежными ее сугробами. Внимания и чуткости не хватило, к несчастью. И умения, наверное, не было.

Шыртан⁴⁶

В деревне есть Шыртановы. Сильный род. Друг с другом живут в дружбе и согласии. Древний род. Славный род. В старину род назывался по-иному: Салтак тавраш, т. е. солдатская фамилия, словом – Солдатовы. То ли потому, что сыновей было много, то ли здоровье было отличное, то ли из-за бедности, под рекрут вечно попадали парни из этой семьи. Со слезами провожали сыновей. Плакать, конечно, была причина: в то время в солдатах ходили двадцать пять лет.

Однажды среднему сыну пришел срок идти в солдаты, или, как говорят, рекрутский жребий выпал на его имя. Отец решает вместо среднего отправить в солдаты младшего. Старший сын погиб на войне, у среднего – малые дети, а младший еще не женат.

Отец на дорогу, – во время долгой войны не лишне будет, – решил дать сыну семь шыртанов.

Семь отборных баранов зарезал отец. По словам предков, истинный шыртан – один шыртан. Иной шыртан – вирьяльский⁴⁷, он – совсем не тот. До сих пор чувашки помнят советы старцев: баран весь входит в свой желудок, из одного барана получается лишь один шыртан. В него кладут лучшие куски мяса. Уметь выбрать куски – своего рода искусство. Сейчас этого многие не помнят толком. Есть свой порядок начинать вывернутый наизнанку желудок барана.

На семь лет хватило бы солдату и одного шыртана, но он угощает порою и друзей, отщипывая по кусочку размером с толстую иголку. Так силы им восстанавливает добавкой к скудной казенной еде.

Где только не побывал солдат. Чего только не повидал бедняжка. Каких страданий не перенес. Как только иссякнут силы, отщипнет от шыртана кусок с толстую нитку, пососет – и силы восстановлены: опять можно идти по долам и горам, от границ страны одной до границ другой...

Как говорят, от звонка до звонка ровно двадцать пять лет отслужил чуваш. Ни дня не меньше. Возвращается домой. А в котомке – полтора шыртана. Вот он в деревне. Но она пуста. Ни души на улицах. Тихо в деревне как на кладбище. Не слышно даже воробьиного чирикания. Не лают собаки. На пыльной дороге не то, что следов лаптей, даже куриных следов нет. Полевые ворота развалились, даже столб валяется на земле. В развалинах хлевы, амбары и заборы. Нет ворот у домов, калиток – и тех нет. На месте иных домов – высокая крапива.

⁴⁶ Шыртан – чувашская колбаса из лучших кусков баранины.

⁴⁷ Вирьяльский шыртан – колбаса из печени, легких и т.п.

Заходит в родную избу солдат. Все – при смерти. Опухли от голода. Узнают солдата, но радоваться не могут – сил не осталось.

Оказывается, в деревне свирепствует голод.

– Семь лет подряд озимь съедают гусеницы. Сеем – всходы дружные, поля зазеленеют. Неделя пройдет, вторая – загоны темнеют, потом и вовсе чернеют. В этом году уже и не сеяли, ни семян нет, ни сил не осталось.

Солдат вынимает полшыртана. Дает попробовать каждому по маленькому кусочку. Через некоторое время опухшие от голода начинают походить на людей. Непочатый шыртан хватает надолго. Поддерживает поправляющихся. Восстанавливает силы.

Так род не вымер. Был спасен.

Плодовитый род – Шыртаны. А фамилия и сегодня – та же. В Иккове есть улица Шыртан. Есть еще деревня Шыртан, но там другая история...

Три вопроса – один ответ

В Чебоксарах, столице Советской Чувашии, жил большой ученый. Знаток языков. Их исследователь. Профессор Василий Георгиевич Егоров. И труды, и имя его известны во всем мире.

Месяца так за четыре до его смерти сидим с ним и мирно беседуем. Расспрашиваю профессора о языках, которыми он владеет. Считаю, сколько он языков знает. Насчитал двадцать два. Много это. Очень даже много. Однако было все-таки беспокойно на душе: правильно ли я провел подсчет, все ли учел? А профессор загадочно улыбался и совсем не помогал мне.

Забыл про арабский. На нем профессор мог читать, говорить, писать. Долго прожил в Сирии, обучая арабов русскому языку. Но почему же в списке не оказалось немецкого языка? Профессору должно было вот-вот исполниться восемьдесят лет, его приглашали в Берлин для чтения лекций в университете. Из-за возраста доктора не разрешили выезд. Егоров мог и писать на немецком языке, и лекции читать. Это же намного сложнее, чем вести беседы на житейские темы.

Нет, не только двадцать два языка знал старый языковед. Вскоре его ученики меня поправили: ученый знал 31 язык. Тридцать один!! А вот в книге о чувашском языке профессор пользуется данными более чем двухсот языков – живых и мертвых. Осетинского, например, не знает – однако сколько о нем сказано!

Спросил профессора:

– Который из языков самый красивый?

– Родной язык.

Опять спросил:

– Самый богатый какой?

– Родной язык.

Задал еще один вопрос:

– А самый любимый язык?

– Родной язык.

Три вопроса – один ответ. Одно слово: родной, родной... Язык – это я уже от себя добавил. Для ясности. Ах, почему же не задал еще четыре вопроса? Ведь было что спросить. Неужели и на семь вопросов получил бы тот же самый ответ?

Но и одинаковый ответ принес бы все равно радость. Потому что это – нежные слова единственно доброй, любимой матери. Ее ласковая улыбка. Ее прекрасная песня, очаровательные ее частушки. Непревзойденные вышивки ее.

И она сама, милая, наилучшая из лучших во всем мире. На целом свете.

Колосок на копеечке

Дед с внуком бодро шли по улице – торопились в гости. Вдруг внук в пыли заметил блестящую монету. Наклонился, чтобы поднять, но тут же раздумал и отбросил носком ботинка далеко.

– Одна копейка! Копеечка одна! Кому она нужна? На что? Для чего?

Громко кричал внук, как-то некрасиво кривлялся и подпрыгивал в какой-то дикой пляске. Прыжками на одной ноге обогнал деда. Затем обернулся, чтобы посмотреть на оставшего и притихшего деда. И, остановившись, начал наблюдать за его действиями.

Тот разыскал копейку, вытащил из пыли и заботливо поднял ее. Приблизив ее к губам, сдул пыль. Затем вынул из кармана чистый платок и до блеска вытер монету – это он сделал не только очень старательно, но и с какой-то особенной нежностью.

Копеечка заблестела, как золотая. Разглядывал ее дед – то одну сторону, то другую. Гладил, щупал – как будто видел впервые. Ногтями прошелся по краю. Неровности издавали какой-то беспокойный шорох.

– Одна копейка... Тысяча девятьсот восемьдесят... Только в этом году отлита копейка. Ишь ты, кто-то уже успел уронить, потерять. Жаль...

Задумчиво, как будто с самим собой, разговаривал старый дед.

– С... С... С... Р... Кружочек-то малюсенький, но для этих букв место нашлось. Крупно и выпукло выведены. Выбиты, так сказать. Без очков вижу. Да и кончиками пальцев чувствую: СССР... И спереди – хлебные колосья. Тоненькие, длинные усики – наверное, рожь...

Задумался. Постоял молча. Не то про себя, не то вслух – но только для себя – произнес:

– Да, конечно, рожь. Чего тут сомневаться? А, может быть, пшеница озимая...

– Дедушка, – *пробуя заинтересованным обращением загладить свою вину и как-то успокоить деда, сказал внук, – с такими усиками на колосьях может быть и ячмень, и полба.*

Дед не слушал внука и не слышал, казалось. Поэтому говорил, ни к кому не обращаясь, как будто обсуждая с самим собой.

– То, что не ячмень, всякому ясно: усики у ячменя на колосьях гораздо длиннее, чем у ржи... Полба, как символ, не подходит. Татары полбу называли чувашской пшеницей... На денежном знаке страны должен быть всеобщий, всенародный символ... Ржаной хлебушко – калачу дедушка. Рожь – это черный хлеб... А черный хлеб – не только еда, но и земля, пот, мозоли – от сохи, серпа. И от молота тоже. Ржаной хлеб – это судьба народа. И моего тоже. Это и характер народа в конце концов. У моего родного народа чувашей есть замечательный писатель Николай Ильбека. Он свой роман о трагедии родного народа так и назвал «Черный хлеб»...

Внук надеялся, ждал, что дед по давней привычке скажет:

– Вот так-то, мой родной...

Напрасно ждал внук. Зря надеялся. И дед продолжил размышлять вслух. Внуку не все было и понятно. Нет, не для него он говорил, а для себя.

– На обратной стороне монетки – герб страны – колосья обрамляют. Это лучше любых цветов мира. Красив советский герб, очень даже красив. И доброго смысла в нем много. Гордый знак великой страны. Славный символ любимых земель, рек, морей...

Не спеша говорил дед. Как будто напрочь забыл, что они с внуком отправились в гости, даже спешили совсем недавно. И дома, и в пути.

– Колосьев много... Это – и снопы, и скирды, и бескрайние колоссящиеся поля Родины. Хлеб наш насущный. Хлеб... Крошка хлеба упадет под ноги – сразу голову начинает сверлить мысль о золотых колосьях этих самых – изображенных на гербе нашем. А вдруг – эта крошка из золотого зернышка одного из этих колосьев...

Почему-то дед ни с того ни с сего вспомнил и золотую пылинку Родины. Родина – мать. Родная земля. Черная земля – как грудь матери-кормилицы.

Это уже не раз слышал внук. Чего это дед повторяет и повторяет? Вдруг перестал спешить туда, куда держал путь. Внуку начинало казаться, что в гости они сегодня с дедом не пойдут. Внук и не успел сразу заметить, как дед повернул обратно. Пошел более быстрым шагом, чем когда торопился в гости. И быстро-быстро заговорил дед, не обращаясь к внуку, вприпрыжку бегущему рядом с обращенным к нему лицом:

– Одна копейка – невелики деньги. Но без нее нет рубля. Только девяносто девять копеек. Но и копейка – из металла. Латунь. Цвета золота, – отчеканивал дед слова, как команду. За каждую металлическую пылинку – надо трудиться. В шахтах и рудниках рабочий человек отдает силы...

Молча прошел немного дед и заговорил менее, казалось бы, строго, но громче, чем до этого.

– Копейка сама, быть может, и правда, немного стоит. Знак на ней – очень дорог. Священный знак великой Родины. Этот знак –

на вершинах самых великих гор. Он доставлен на Луну. На Венеру. До звезд – долетит... И всюду – серп и молот, земной шар в объятьях хлебных колосьев... Нет, нет, этот святой для меня знак моей страны не может валяться в пыли. Нет, не позволю. Я – гражданин Советского Союза...

Наконец, обратил-таки дед внимание на внука: положил руку на голову. Но не погладил. И не обратился со словами ласки. Глубоко вздохнул. И выдохнул слова:

– Вот так-то...

Мамина похлебка

Собрались друзья на праздник через тридцать лет. Вместе учились. В одном классе.

Рады друг другу. И угощение отменное. Едят-пьют. И рассказывают о своей жизни.

У одного – роскошная машина, японская мебель, у другого – квартира просторная, у третьего – жена разодета в пух и прах, у четвертого – на даче растут фрукты заморские и цветы диковинные, пятый – получил премию и звание; у шестого – зять долго находился в командировке в какой-то стране и из-за границы всего навез...

И по второму кругу пошли уже – рассказывают, рассказывают. Смеются, хохочут. Один – выиграл большую сумму, у другого – брат богато сыграл свадьбу дочери, третий – неожиданно получил продвижение по службе, у четвертого – надежные связи и подержка, пятый – отдыхал на море, всякой редкой снеди дома полно, шестой – устроил, достал, достиг, добился... У шестого – глаза блестят от счастья, у друзей – от восхищения им. И тут же гаснут – от зависти.

Все довольны, все счастливы. У всех все есть. Даже и не знают, что им надо. Вот-вот пойдут по новому кругу... И вдруг замечают, что один выбыл еще из первого круга. И не вошел в круг вовсе. Сидит и молчит. Почтительно слушает. Улыбается. А улыбка такая на лице, как будто друзей детства не узнает. Совсем чужой сидит.

Все уставились на него, на седьмого. И ждут: чего добился в жизни за долгие годы? Что у него есть? Тому съезжиться бы под внимательными взглядами друзей детства. А он сидит себе – спокойный, невозмутимый. Уверенный в себе.

– Мама сегодня накормила меня салмой⁴⁸. Прямо как в детстве. И запах – тот же. И цвет. И мама – та же. Старая, но по-прежнему красивая и добрая. Налила в глиняную миску до самых краев. Сто лет миске. Сохранила-таки. Вручила деревянную ложку – от отца осталась, его работа. Мастер же был!

⁴⁸ Салма; салма яшки – овощная похлебка с вареными круглыми кусочками особым образом приготовленного пресного теста.

Когда заметил тревожную тишину среди друзей, торопливо продолжил:

– Ну и мама у меня... Ласковая... Спасибо ей: на неделю сыт. Второго – и не надо. Как будто на всю жизнь накормила. Безо всякого третьего. Покой и уверенность влила в душу.

Глубоко вздохнул напоследок и закончил:

– Мама... Какое же это счастье!..

Кто быстро устает?

Позже всех устает умелый труженик. Он и устанет – никогда не скажет об усталости. Притомится на одной работе – приступит к другой. И это – весь отдых его.

Ленивый устает раньше всех. Хмуро бредет. Уныло сидит. Разляжется и не спит – храпит. До дела уже усталый – что-то пробует делать. Не кончая, бросает, валясь без ног от усталости. От утомления.

Больной тоже устает быстро. И печально думает о деле, которое не закончил, когда был здоров. Мечтает о работе, когда поправится. Мысли – о деле. И боли – меньше.

Толстому, чтобы что-то легкое поднять, сначала надо себя поднять – труднее всего, всякого дела. И уже устал. Толстый – тот же больной, тот же ленивый: ест и спит – вот и все труды его.

Жадный – не о деле думает, о прибыли. Если не выгодно – не двинется с места. Когда выгодно – торопится, спешит. Прибыль – есть, дела полезного – и нет. Такой быстро устает – бедняжка. Жадный – тот же больной. А жадный до работы? Тот – и не жадный вовсе.

У злого – все валится из рук. Ломается, рвется. И сам – бьет, крушит, ругает. Дела нет – уже устал. От злости своей. От вида разрушений. Осколков, черепков.

А завистливый – тоже, как хворый, быть может, даже большее того. Кто-то сделал хорошо – он устал, у другого получилось удачно – он болен, у третьего вышло красиво – он в отчаянии, жить ему не охота.

Пьяному – море по колено. Пьяный – лыко не вяжет. Упадёт – и не встанет. Устал – без дела. И ленивее ленивого, больнее больного. Плохо.

Есть у меня о ком что рассказать. Обо всех – не расскажешь. Не ленитесь, не болейте, не толстейте, не будьте жадными, злыми. Дела другие есть. И у вас – тоже. Ну, не завидуйте. Будьте всегда трезвыми и ясными. Выше головы, бодрее шаг!

Не уставайте!

Порядок

Порядок – что же это такое? Это значит, все дела делаются вовремя, все слова произносятся по делу, а все вещи – на своих местах.

Черное – с черным, белое – с белым, чистое – с чистым, грязное – с грязным, сладкое – со сладким, горькое – с горьким, гнилое – с гнилым, худое – с худым, сырое – с сырым, холодное – с холодным. А теплое – с теплым, горячее – с горячим. Шапки – наверху, ботинки – внизу, пальто – в середине. Тапочки – рядом, левая – слева, правая – справа.

Все делай, зная порядок – что с чем, что за чем.

Мокро – вытри, сыро – высуши, дыряво – залатай, рвано – зашей, оторвано – приклей, сломано – соедини, распустилось – подшей, расплелось – заплети, рухнуло – подними, наклонилось – подопри, испачкано – вычисти, обветшало – обнови, замедлилось – ускорь, открыто – закрой, утеряно – разыщи, испорчено – поправь... Что не в порядке – приведи в порядок. А сам порядка не нарушай, восстанавливай нарушенный даже другими. Поддерживать порядок легче, чем заново создавать. И новый порядок может быть хорошим. Лишь бы разрушить старый. И избежать – беспорядка.

Огорченного – успокой.

Отставшему – помоги.

Голодного – накорми.

Для жаждущего – раздобудь где-нибудь глоток воды.

Когда нет порядка – и в делах нет лада, одно дело три раза переделывать приходится. Бесполезно это. Вредно. Время и силы впустую уходят. На поиски, на восстановления.

Знающий порядок – порядочен. Он – всюду пригож.

Когда нет порядка – и жизни нет.

Когда очень торопишься, не отрывайся сильно и от отставших от тебя. Если – в гору, остановись, отдышись и протяни руку тем, кто карабкается за тобой. Если надо – отстань и передохни, поддержи скальвающегося вниз. Постарайся это сделать первым. Раньше других. Для такого дела можно и отстать. Первым, раньше всех.

Бережливость

Бережливость... Что это такое? Уважение к тому, что сделано трудом. Своим, отца, матери, других людей. Почитание и самого труженика, доброго творца. Благодарность – и природе. Солнцу, воздуху, деревьям. Травам, дождевому червю, букашкам.

...Вот к муравейнику направляется мальчик, за ним – его мама.

Удивленно смотрит мальчик на муравьев, снующих туда-сюда.

– Чудные насекомые, – говорит он матери.

– Нельзя их называть насекомыми, букашками, – громко поясняет мать, – видишь, они все время в работе, в заботе. Какие же это насекомые? Муравьи точно хорошие люди. Спасибо им...

Что есть – береги, чего нет – сделай. Одобрять ли желание иметь лучше лучшего, новей нового? Дорожи пока тем, что есть. Не рвись к

доброе, топчя что рядом. Под ноги можно кинуть все. Лучше поднять, чем бросить. Крышку потерял – и кастрюлю бросишь. Береги и затычку.

Старое не выкидывай, пока нового нет.

Холодно в доме – не заводи вторую печь. Лучше – утепли дом.

Приобрел книгу – на века. Есть ручка – пиши не день, а месяцы и годы. Покупай стержни и чернила, а не новые ручки. Нужного – тысяча тысяч, приобретай только то, без чего никак нельзя. Ненужная вещь, и копеечная стоит очень дорого.

Не пренебрегай и простыми тетрадками, тоненькими, и общими. Пусть служат делу, уму. Не пачкай их ничемными записями. Отдельные листочки – и те не разбрасывай. Собирай, сшивай и готов блокнотик для записей. Делай себе заметки на завтра – чтобы не забыть даже самого маленького дела: нет большого дела без маленького, большое дело складывается из маленьких дел.

И с одежкой обращайся бережно. Можно за день праздничный наряд в обноски превратить. А можно – и через год любоваться, и через два. Надо ли вышитой салфеткой вытирать пыль, новым полотенцем мыть пол? Вышел в дождь в новых праздничных туфлях – нет их больше. И домашние тапочки – для слякоти не годятся. Каждой вещи – свое место, свое дело. В вещах не только труд и деньги, но и память. Хорошая добрая память. И воспоминания о важных событиях и дорогих любимых людях. Без старого цену нового не узнаешь. В перешитой отцовской рубашке – поучения деда, нежность бабушки... Малюсенькая заплатка и зашитая дыра, не видимая, свой добрый смысл имеет. Честное слово. У бережливого нитка длиной с иголку – и то без дела не валется, в сор не превращается.

Вот и в еде – важна не цена, смысл. Есть слаще сладкого, вкуснее вкусного. Не гонись за этим: все равно не догонишь. Пусть жидкое не станет грязью, твердое – мусором. Гниет и киснет – у людей недобрых. Свежесть – та же бережливость. Покупай ровно столько, сколько надо. Лучше пусть чуточку не хватит, чем останется. Бери столько, сколько можешь съесть. Тот, кто небрежен с хлебом, не может быть добрым. Не может быть хорошим. И в малом – смысл огромный: небрежно уронивший ломоть – грубо выкинет каравай. Человек хороший никогда не поступит плохо и с хлебной крошкой. Благородному чужда неблагодарность.

Добрый человек жалеет не только людей, но и вещи. Небрежность – порок. От нее людям вред большой. В жизни может пригодиться даже отколотый топор. Только вор и лентяй не знают истинную цену вещам и труду.

Не гонись за дорогими подарками. Лучшее золото в мире – доброта, дружба, любовь. Цены им нет. Береги драгоценный дар. Что уступил – твое, что отнял – потерял навек. Отнял вещь у людей, выкинул душу свою.

Иные покупают впрок помногу вещей, хотя достаточно одной, – чтобы не беречь. Небрежность – уже в плане. Предусмотрительно

делается, чтобы заботу уменьшить. Покупать – не труд, беречь – забота, сохранить – работа.

Запомни: хорошо живется не от больших доходов, а от толковых расходов. Мир огромный – он все поглотит. Хвастай не тем, что вещей собрал много, гордись тем, что больших дел много. Бережливость – то же богатство. Это – выигрыш, находка и клад.

Честный человек не может не быть бережливым. Трудолюбивый не скажет: «Только три копейки стоит». Он скажет: «Три копейки стоит». Он знает – вещей дешевых нет. Каждая вещь свою цену имеет. Для него важны не цены, не вещи, не деньги, а человек и его труд. Только вору терять нечего и нечего ему жалеть: все равно не свое.

Бережливость, как честность – то, чем гордиться можно. Рабочая гордость это. Ее у бесчестных – не было, нет и не будет.

Бережливость нужна не потому, что кому-то чего-то жаль. А просто для того, чтобы каждому стать хорошим, добрым человеком. И таким – остаться.

Быть может, жаден бережливый?

Жадный – охотник до чужого, хочет, чтобы и не свое стало собственностью, а бережливый – бережет свое для людей.

Быть может, бережливый скуп?

Скупой – только свое бережет, а бережливый – дорожит народным, чтобы многим досталось, чтобы всем было хорошо.

Бережливый человек – надежен, порядочен, аккуратен. И умен, конечно. Его слова знают цену, меру, границу. Они красивы и добрым смыслом, и бережливо малым числом. У него слов мало, а дел много.

Сказал я мало – сам дальше думай. Забудешь советы – стукни себя по лбу и вспомни. Повтори про себя. Проверяй строго – всегда ли сам так поступаешь. И другу подсажи. И младше себя – учи.

Как-то рассказывал я обо всем этом самом ребятам в классе, где был руководителем. И вот заговорили все разом мои пятиклассники. Еле успокоил. С трудом уговорил высказаться по порядку. По очереди. Не перебивая друг друга. И слушать – внимательно.

– Ртутному термометру в нашем доме – сорок лет, даже картонный футляр – цел, – рассказывал мальчик. – Еще маме маленькой мерили температуру.

– Мне мама курточку перешила из дедушкиной солдатской гимнастерки, – продолжил другой.

Как будто мир прочней: ничто не исчезает бесследно.

Среди привычных вещей жить надежней. Спокойней. Уверенней себя чувствуешь – правда. Лишняя вещь – враг, помеха делу.

– А вот часам в нашем доме почти семьдесят лет, – сказала девочка, волнуясь. – По ним еще бабушкина мама к бабушкиному папе на свидание ходила.

- У нас дома хранится дедушкин букварь...
  - Мама, когда шьет, наперсток бабушкин на палец надевает.
  - А у нас есть книга, которой почти двести лет...
  - Мы до сих пор храним сурбаны бабушкиной бабушки. Узорами любоваться приглашали и соседей...
  - Дедушкин дедушка привез белый камень с Шипки. Есть песнь об этой горе в Болгарии. Поешь ее – и как будто она – о дедушке.
- Слушал-слушал я детские речи и все запомнил. Пришлись они мне по душе: ребята взрослеют, умнеют. И, кажется, меня понимают.

Кто что строит?

- У старого чуваша воры увели лошадь из конюшни.
Чем помочь старику, чем успокоить его?
- Думали-думали три сына и вот что придумали. Разобрать на дрова худую конюшню, не конюшню даже, а хлев – и построить новую. Потом купить жеребенка и выходить его.
- Старший сын горестно охал и перекладывал какие-то жерди. Средний сын двигал какими-то бревнами и сердито пыхтел. Младший ворочал огромными камнями под фундамент и весело пел бодрые, трудовые песни.
- Проходящие спрашивали:
- Что делаете? Старший отвечал мрачно:
  - Отцу пробуем сарай сколотить... Вдруг осла купим... Средний молчал. Лишь при повторении вопроса хмуро мямлил себе под нос:
  - Отцу хлев стараемся построить для будущей его клячи...
- Третий прерывал песню и весело отвечал:
- Сооружаем дворец для отцовского табуна лучших в мире коней.

Потрудитесь, пожалуйста, понять...

Есть сложности жизни. Огромные. Порою они кажутся просто неодолимы. Это – не трудности, именно сложности. Например, мне никогда не хватало умения с предельной точностью отвечать на заданные вопросы. Начну отвечать – разойдусь... Пойдут мелкие, попутные вопросы, рассуждения, ассоциации, порою имеющие не очень близкое отношение к обсуждаемой теме.

- Считаете ли вы войну неизбежной?
- Нет, не считаю.

Казалось бы, вполне достаточно этого ответа. А я, не удовлетворяясь им, могу приступить к обстоятельному ответу-анализу современного международного положения.

Доставались и трудные вопросы: были, конечно, и удачи в ответах. Однако их не наберется и десяти. И это из десятков тысяч вопросов

и ответов на них. Так что мои удачи в ответах на вопросы составляют лишь ничтожные доли процента.

В чем-то, может быть, я и силен. А вот в этом, в ответах на вопросы, до сих пор мне чего-то явно не хватает.

Повторяю, были и удачи.

Выступаю в Париже, в университете. Вернее, в Доме студентов. Рассказываю о двух чувашах, окончивших Сорбонну и ставших революционерами, видными журналистами, учеными, просветителями...

Следует неожиданная реакция.

– До революции чувашам был доступен университет в Париже. Сейчас в стенах Сорбонны – ни одного представителя вашего народа...

Я говорю:

– Десятки и сотни чувашей предпочитают университеты – в Ленинграде, Казани, Москве, Томске... Быть может, создадут и свой собственный – чувашский. Один из пяти первых декретов чувашской автономии – основать университет. Думаю, что придет такая пора – будет университет...

Вопросы любые, какие угодно я не могу называть провокационными. Есть и легкие, и трудные, и сложные. Главное – не поддаваться на провокации. А человек волен спрашивать, что он хочет.

– Студентами Сорбонны не могут стать теперь чувашки?..

– Могут – и профессорами, читать лекции. Если потребуется. Примером – ваш покорный слуга на кафедре...

В зале – гул одобрения.

Тогда я был молодым доцентом, мне еще до тридцати не было близко. К сожалению, вот таких ответов было немного, и они запомнились.

В одной из партийных школ ГДР сразу поступило два вопроса:

– Мог ли Сталин спасти Тельмана?..

– На съезде вашей партии было признание о численном превосходстве у вас танков... Это же – наступательное оружие.

Оба ответа удовлетворили немецких коммунистов.

– Думаю, что если бы смог – спас бы. И я хотел спасти – состоял в Международной организации помощи борцам революции...

– Если будет развязана война, танки придут на помощь победоносной мировой революции.

А еще был случай. Возник разговор с одним академиком по поводу неудачной кандидатуры на пост директора академического института.

– Понимаете, нельзя на такие должности назначать – с мест... Только москвич в состоянии понять, поднять...

Не особенно смело, но убежденно я возразил.

– Один мой земляк занимал очень высокое положение в Москве и вполне справлялся...

– С каких вы мест?

– Из Симбирской губернии. Речь веду о первом Председателе Совнаркома РСФСР.

Вот и все. После этого мы разошлись с академиком навсегда.

Все это – из моей жизни. Чтобы сделать понятной сказку «Золотая пылинка» и соответствующее ей мое настроение, надо вот еще какой случай из моей жизни рассказать.

Дело было в маленьком городке Шамони, что в горах, во Французских Альпах. Я близко познакомился с педагогом-коммунистом из Буржа. С товарищем Мотеем. Ему было очень трудно понять перемены, происходящие в нашей стране после XX съезда партии. Он спрашивал – расспрашивал, допрашивал – допытывался. Это была первая его встреча с советским коммунистом, да еще педагогом.

– Как бы вы поступили, если бы точно знали, что по возвращении из Франции вас упрячут в тюрьму?..

Я отвергаю возможность такого: с произволом покончено. Он настаивает на предположении хотя бы условно. Повторяет вопрос не раз и не два. Просит меня принять предположительную ситуацию хотя бы во имя того, чтобы облегчить ему понимание сути перемен, происходящих в нашей стране.

В конце концов я вынужден уступить товарищу Мотее.

– Если бы даже нисколько я не сомневался в том, что меня по возвращении арестуют и посадят в тюрьму, все равно вернулся бы домой, на Родину. Жизнь во дворце на чужбине хуже, чем в тюрьме на Родине, говорят в моем народе.

Перечитайте снова первую мою сказку «Золотая пылинка». Она поможет лучше понять меня.

Родину не выбирают, она предназначена судьбой. Она обойдется без нас, а вот мы без нее – никогда.

Для каждого человека вопрос жизни – Родина.

«Я ДРУГИМ УЖ НЕ БУДУ...»

(Вместо «до свиданья» читателю)

В книге самая малая часть того, что продумано, написано, опубликовано за сорок с лишним лет. Какие основания для того, чтобы своими сделать слова Варлама Шаламова? Не лучшие ли было просто сказать читателю: «До следующих встреч!».

Остаться при любых условиях, в том числе и трагических, самим собой, человеком, личностью – самое важное для каждого и любого. Остаться таким несмотря ни на что, ни на кого. Не говорить и не писать неправды. Не зря же В.И. Ленин писал о воспитании истых коммунистов, способных победить ложь. Ошибиться – можно, лгать – нельзя.

К чему ведется речь?

Идеи, которые проводятся в книге, прошли все три периода истории многострадального нашего народа: культа личности, волюнтаризма, застоя.

Так, например, мысль о народной педагогике выдвинута давным-давно — еще в первый год без войны. «Педагогические задачи», призывающие революционизировать всю систему подготовки учителя, увидели свет в 1952 г. Именно из этой статьи позднее выросли многочисленные книги других авторов о педагогических задачах и упражнениях. Вопрос о необходимости революционного реформаторства в педагогическом образовании до сих пор не снимается с повестки дня.

В период волонтаризма, когда крестьянин отрывался от земли, появилась моя книга «Воспитание у школьников любви к сельскохозяйственному труду». Очень мне дороги мои работы «Революционное воспитание», «Великий Октябрь и современный педагогический прогресс». Дорожу книгой «Этнопедагогика», подписанной к печати научным редактором в 1972 г. Почти год пролежала корректура книги в обкоме. Профессор И.Т. Огородников, блестящий русский интеллигент, ходил в ЦК — и книга увидела все-таки свет в 1974 г. И после выхода из печати десять лет собирал Институт истории, языка, литературы отрицательные отзывы о ней, последний — получил в 1985 г. В апреле этого года, вероятно, уже на все махнули рукой: пусть кому надо читают.

С возрастом усиливаются личные, автобиографические моменты в народной педагогике. Убежден, что народная педагогика — могучее средство демократизации народного образования. Она — подспорье и в улучшении межнациональных отношений, ибо внушает мудростью своей уважение к духовным сокровищам каждого и любого из народов. «Народная мудрость воспитания» — лучшее на сегодня из педагогических словосочетаний.

То и дело в память возвращаются фрагменты духовной жизни родного народа, на которой происходило мое формирование. Они связывают меня и с другими народами.

Сестра отца была замужем в русской деревне. Зять, дядя Ефим, являясь в гости к нам, широко открывал дверь, становился на порог, бросал, крутя, шапку к ногам бабушки, шел к переднему углу на коленях и, не вставая, целовал тыльные стороны обеих ладоней бабушки. Быть может, у меня с тех впечатлений раннего детства благоговение перед старшими и старыми? Я решался возражать старшим по должности, но никогда — по возрасту, по годам.

«И конь — в сторону дома бежит быстрее». Эти простые слова — золотой кирпичик в здании понятий о родине. Было ли это так всегда? Быть может, дошло по-настоящему только после шестидесяти лет. Ведь недавно мне рассказали. Два абазинца возвращались домой с войны. Когда увидел горы, сказал один другому: «Что это так медленно тащится поезд? Давай, сойдем и побегим». Чтобы это понять, быть может, мне надо было испытать болезненную тоску по родине, живя вдали от нее. Родина — одна, как и мать: мои Большие, мои Великие Яльчики. Где могила бабушки, качавшей мою колыбель.

В народной педагогике ничто не исчезает, из нее ничто не пропадает. Случай только нужен – все вернется и осветит целую судьбу.

Бог изобрел муху, чтобы чуваш долго не спал. Петух будит женщину, муха – мужчину, солнце – ребенка. Обыденность переводится в светлую мечту через дитя народа. Три великих чуда из волшебных чудес света – мед, молоко, хлеб. В молоке – все травы мира, в меду – все цветы вселенной, в хлебе – и травы, и цветы, и зерна. Да и печь, где хлеб происходит, из глины и песка родины. В хлебе воздух, вода родины, тепло родного леса. Ни капли, ни крошки – на землю. Выполняя этот завет всю жизнь. Семейные заветы были всегда очень строги. Поцеловал – невеста, переночевал – жена. Равноправие – неразумному. Единственный – он и есть единственный. Первая жена – чугунная, вторая – глиняная, третья – стеклянная. Один прошел через лес насквозь – не нашел палку, чтобы жену побить. Матери – 86 лет, бабушка умерла 92 лет. Друг другу не сказали обидного слова, ни разу ни с кем не поругались. Первый сын – стеклянный, второй – глиняный, только третий – настоящий. Отношения строятся на уступчивости, снисходительности. Гостя – любить, хозяина – уважать. Слово матери со дна морского камень поднимет. Обидевший отца-мать – погибнет и никогда не воскреснет.

До года обожай дитя, после года – уважай. И у близнецов есть старший. Не то что своих и чужих сирот – из других деревень, другой национальности – не оставляли в беде. Детей – все любят, однако полюби стариков. Совершенно другой тип культуры – непонятный и не понятый зазнавшимися современниками выдается за отсталость, даже дикость. Семейный кодекс надо изучать, хотя, наверное, нет уже возможности полного его воспроизведения. Да и условий, пожалуй, уже нет, чтобы руководствоваться им. Отказ от своего ребенка – загадка века.

Тропку через твое ржаное поле кто протоптал? Догнал и избил идущего по твоему загону. Но тропка же была до него – ты уже опоздал. Кто первый прошел? А если б за ним не пошел другой, не возникла бы тропка. Ну, а если бы последний, кого хочешь избить, остановился и пошел обходной дорогой – быть может, не ломались и не падали под доги на тропку спелые колосья ржи.

Трехлетний – пусть помогает отцу, трехлетняя – матери. Трехлетний знать должен три звезды, три травы, три дерева... Много-много три. Иди быстрее – ближе станет. Движения косаря должен суметь воспроизвести. И работу с серпом представить. Без счета лапти не сплетишь, без умений даже веника не свяжешь. Узнавай сам, научись сам. Самая высшая оценка ума и поведения: «Никто не учил, сам...». Ставка на самостоятельность – как можно раньше. Молочный зуб в хлебном мякише давали собаке – чтобы зубы были крепкими. Экономия во всем: не вторую печку ставить, а избу – утеплить. Лишняя вещь – мусор. Добрый человек не только людей, но и вещи ценит. Когда люди живут плохо – стыдно жить хорошо. Дети заботились – о родителях, сейчас

деды – о внуках... Спину грел бабушке – думал, это ей надо, оказывается, мне надо: душа добрела. Девятнадцатый век – век моей бабушки и ее родителей, двадцатый – моих родителей и мой, двадцать первый – моих детей и внуков. Так что я, по меньшей мере, – духовная связь трех веков! Для вечности – мало, для бессмертия – хватит.

И бревно ведь когда-то было деревом – с корнями, ветвями, листьями, быть может, и с цветами... Что же было в этом горестном вздохе бабушки? Есть прошлое – его надо знать? Прошное окружающего мира – трав, букашек, солнышка, дома, земли, переулочка с горькой полынью... Бабушка едва ли об этом задумывалась. А я думаю – и спасибо ей за это. У меня есть прошлое, своя история, и в ней бабушка занимает громадное место, не меньшее, быть может, чем евреи и греки – в мировой истории, в истории человечества.

Моя жизнь, судьба, опыт позволяют кое-что пересмотреть в традиционных представлениях о чувашах. В них гораздо больше решительности, смелости, мужества, чем можно было бы подумать. «Чаваш-йаваш» (чуваш – робок, не смел) – не совсем это точно. Речь может идти только о покладистости, уживчивости или, в худшем случае, – застенчивости.

Чувство гордости и благодарности у меня вызывают профессор И.А. Андреев, журналист И.М. Михайлов, сельский учитель П.А. Архипов, народный писатель Мигулай Ильбек... 11 ноября 1971 г. я выступил с безобидным, рядовым докладом на научной сессии, посвященной столетию новой чувашской письменности. Доклад по форме и стилю содержал целый ряд отступлений от академизма, был эмоциональным, а в содержании имела место критика в адрес тех, от кого зависела реализация заветов И.Я. Яковлева, использование созданной им письменности в национальном подъеме.

Выступления этих товарищей делают честь чувашскому народу. И вот почему. Это было гораздо более опасное для свободомыслия время, нежели время гонений и травли Бориса Пастернака. Тем не менее, тогда во всей Москве на огромном собрании писателей не нашлось никого, кто решился бы замолвить хоть одно слово за великого поэта.

В данном случае речь идет только о конкретной ситуации. Какое может быть сравнение «Доктора Живаго» великого поэта и рядового устного выступления в сущности сельского учителя!

Вот что сказал И.А. Андреев: «Мне понятен дух выступления... Докладчик призывает преданно служить родному народу – следуя примеру И.Я. Яковлева. Он говорил не о культурно-национальной автономии, а о национальной культуре в условиях автономии. Нельзя ему приписывать слова, которых он не говорил. В целом его выступление было здоровое, интернационалистское, патриотическое». И.М. Михайлов говорил о профессорах, безошибочно повторяющих одно и то же, разобрал доклад – и не нашел ошибок. П.А. Архипов поделился свои-

ми мыслями о катастрофическом положении с преподаванием чувашского языка, особенно – в городах и рабочих поселках. Мигулай Ильбек говорил о порядочности, благородстве, честности и призывал лучше идти вперед к И.Я. Яковлеву, чем возвращаться назад к И.В. Сталину.

Все это очень значительно, в высшей степени знаменательно, ибо сразу после моего доклада было проведено оперативное совещание, на котором секретарь обкома партии призвал дать решительный отпор всяким вылазкам. Однако удалось уговорить только двоих: один выступил по служебному положению, другой – по моральному своему состоянию: просто это человек, для которого реальным всю жизнь было лишь одно дело – разоблачения. Даже – И.Я. Яковлева.

Разъяснения об ошибках велись во всех парторганизациях. И это было похоже на разжигание нездоровых страстей, провокацию, потому что люди не слышали доклада. Тем не менее и там решались люди высказать слова тревоги. Профессор А.К. Ефейкин в сельхозинституте прямо сказал: хватит безнаказанно травить, истреблять Вавиловых! И так, мол, очень многих потеряли. Представителем обкома выступление профессора было оценено как политически незрелое, беспринципное, ошибочное. И это – об ученом, который при жизни Т.Д. Лысенко выступал против его учения и схватывался с его учениками. Не принял бездоказательных, голословных обвинений и профессор М.М. Михайлов и выразил надежду, что докладчик найдет в себе силы не сломиться под тяжестью неправды и несправедливости.

Нет, не лишены чуваша людей мужественных. Ведь все эти понастоящему честные люди знали, что им не простится эта поддержка опального. И то правда, все, кто был вместе с ревнителями застоя, не остались без внимания: всякие награды, звания (заслуженный работник, например, культуры), членство, делегатство, чины, должности, прощение преступных действий, всякие другие возможные благожелательствования так и сыпались на их головы. Оправдали доверие – получайте. А вот люди честные оказались ни с чем, они до сих пор не прощены, хотя среди них – с мировым именем тюрколог и русист.

Эта история имела тягчайшие, непоправимые трагические последствия в моей жизни. Да если только в моей...

Полгода с лишним собирал материал, чтобы обсудить на бюро обкома партии. Когда партбюро педагогического института не поддержало ни одного пункта обвинения, все члены партбюро вызывались в обком, долго и жестко обрабатывались – вплоть до применения угроз. Протокол заседания партбюро был уничтожен. Да и на повторном заседании к обвинениям присоединился лишь один человек – ректор. Была создана комиссия обкома из 9 человек, 6 из которых так или иначе были задеты в докладе. Полгода с лишним, не покладая рук, трудились 9 человек: беседовали, сопоставляли, обобщали, опрашивали, допрашивали, проверяли многочисленные анонимки.

Характер деятельности комиссии мог бы быть предметом и трагедии, и комедии.

– Вы раздуваете роль учителя – духовный вождь, идеолог, воспитатель крестьянства, пролетарий ученого класса... Так нельзя!

– Это не я, а Маркс. Простите нас.

– Вы игнорируете роль областной партийной организации!

– О чем вы говорите, милейший?! Речь идет о 1868– 1870 гг. – еще В.И. Ленин не родился – какая может быть областная парторганизация?

Вывод неожиданный, заключение – под статью этому человеку.

– Если вы не будете признавать ошибки, я расскажу, как плохо вы отзываетесь о членах комиссии...

Честно говоря, личных связей ни с одним из членов комиссии никогда не было, я ничего о них не мог говорить. Однако это не имело значения – накручивалось, накручивалось.

В таком духе проходило все заседание комиссии. Царил и стиль, и тон такой. Все пять часов. На бюро обкома он был назван дружелюбным, доброжелательным. Комиссия многократно заседала и без меня.

Был эпизод. Члены комиссии, самые активные, мылись в бане рядом с садовым участком моего старого учителя. Один, разгоряченный, вышел...

– С легким паром!..

– Какой пар?! Заседает комиссия по похоронам Волкова.

Письменные объяснения приходилось давать по программе литературного вечера, посвященного годовщине смерти П.П. Хузангая. Кто же писал, однако, анонимки? Не члены же, наверное, столь высокоавторитетной комиссии по расследованию моей политической благонадежности. Или неблагонадежности.

Самым страшным политическим обвинением была, пожалуй, анонимная информация-донос в обком о том, что я года четыре тому назад в кабинете проректора по научной работе снял портрет Л.И. Брежнева и повесил вместо него портрет И.Я. Яковлева. Не так это было, клянусь вам честью.

Сначала позволяю себе признаться в том, что Л.И. Брежнев, впрочем, как и Н.С. Хрущев, не вызывали во мне особых симпатий. Но я никогда не допускал пренебрежительного тона. Был даже случай во время моей работы в Эрфурте.

Один из советских граждан, женатый на немке и живущий в ГДР, во время одной из встреч в Доме дружбы позволил себе неуважительно отозваться о Л.И. Брежневе – вплоть до употребления неприличного анекдота с пошлым «Леня». Это я воспринял как личное оскорбление – встал и сказал резко – в стиле демарша:

– В знак протеста – оскорбляется честь высшего руководителя Советского государства – я покидаю зал и приглашаю следовать моему примеру других советских гостей.

Конфликт был улажен, когда удалось развязное «перемещенное лицо».

Грязный, старый портрет во время ремонта снят был еще до моего назначения. После ремонта – не повешен, к чему я не имел никакого отношения. Мною – с использованием, конечно, служебного положения – был заказан портрет И.Я. Яковлева. Заказ был прекрасно выполнен, и я его повесил. Это же не кабинет ректора, члена обкома партии, а проректора по науке. Между прочим, портрет И.Я. Яковлева, великого ученого-лингвиста, историка, этнографа, психолога, педагога – находился на рабочем столе академика Н.Я. Марра до самой его смерти. Что же тут политически опасного?

Портрет И.Я. Яковлева был срочно вынесен в коридор и повешен там. Отменены были ежегодные Яковлевские чтения, на время не стало стипендий имени педагога, изъят и уничтожен был весь тираж инструктивных материалов Педагогического общества, в которых были помещены условия о премии имени И.Я. Яковлева, сняты были темы лекций и семинарских занятий по И.Я. Яковлеву, убраны вопросы о нем из экзаменационных билетов, доценту после лекции о Толстом сделано строгое предупреждение о нецелесообразности упоминания на лекции имени И.Я. Яковлева. Не замедлили сказаться карательные меры и на мне: сразу смещен с поста председателя правления городского отделения общества «Знание», выведен из состава Ученого Совета Института истории, языка, литературы (кстати, в один и тот же час с И.А. Андреевым, заступившимся за меня)... По-моему, это каждый делал по степени своего старания: в Президиуме Педагогического общества я так и остался – думаю, что благодаря доценту Н.С. Сидорову... По распоряжению ректора мне была определена учебная нагрузка на следующий год – свыше 900 часов, на первый семестр – 520, гораздо больше, чем ассистентам без ученой степени, было отказано в выдаче зарплат, когда переехал в Москву, так это и осталось: я махнул рукой.

Однако все это мелочи, никак не повлиявшие на судьбу.

Отцу, подготовленному к выписке из больницы, утром 21 декабря 1971 г. сказали об обвинениях, сыплющихся на мою голову. У него случился удар, и он уже больше не встал. Ушла из жизни жена, перед которой я в неоплатном долгу. Не вынесла горя и ее мать: ушла туда же – за дочерью. Как это случилось? Вслед за Г.Я. Баклановым могу лишь повторить: «Врачи могут вам объяснить, что является причиной скоротечного рака». Вина и грех – на моей душе. Не сберег ее. Я выжил – она ушла: не вынесла.

Сейчас перебираю свои рукописи. На каждой странице аккуратные поправки, сделанные рукой жены. Бисерными буквами выведенные слова. Толком не владея языком, исправляла и чувашские тексты. Все, все – где находила время? Через многие годы просматриваю, и эти исправления – как встречи через годы. Дыхание – рядом. Невольно вздрагиваю. Кричу туда, назад, далеко, кричу – сердце разрывается, душа из ран вылетает, разлетаются осколки души вслед за криком – но очень далеко, слишком далеко – даже эхо не возвращается.

До сих пор не знаю, в чем меня обвиняли. В резком тоне было, например, сказано мне, что не учитываю мнения обкома о Талвире. Честно признаюсь, что и сегодня не знаю, почему я должен был плохо относиться к первому чувашскому пролетарскому писателю. Но и то правда, травля, гонения не были однозначно единодушными. Трижды встречался с Н.А. Вороновским, сказавшим: «Внимательно прочитал ваш доклад – и никакой крамолы не нашел». Знаю, что он говорил заведующему отделом обкома: «Коммунист, сын коммуниста. Что раздувать?! Пожурили – и хватит»... На заседании бюро сказал: «В докладе товарища Волкова много рационального. Он нас критикует, и мы из этой критики должны сделать соответствующие выводы». Тем не менее не знаю, перестали ли обвинять, прощен ли вполне, раз даже через 12 лет повторилась казнь вторично. Запрещена была моя уже набранная книга «Продолжение жизни без начала». Невозможно в это поверить в пору гласности: все три рецензии, решившие судьбу книги, так и не видел. А прошло уже шесть лет. Тот самый историк, который всю свою сознательную жизнь клеветал на И.Я. Яковлева и его учеников, продолжал это делать и при М.С. Горбачеве. Меня тоже называл среди самых заклятых «врагов» народа и человечества – Солженицына, Сахарова... По меньшей мере хоть бы запоздало признал, что все у него в жизни получалось не впопад. В конце жизни поверил бы К. Марксу: «Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий». До сих пор нет ни ощущения правды, ни чувства вины, хотя вдохновители и организаторы травли давно осуждены и прокляты, сняты, исключены... Не посажены, наверное, только из-за дефицита мест в тюрьмах страны. Однако остались досада, обида, неизлечимая боль, горе. И неподъемный груз совести перед родными, которым доставил много страданий. Которых лишился.

Никому не удастся начать новую жизнь. На том же древе жизни вырастает новая ветвь... Дай-то бог, чтобы она прижилась – чтобы само древо зеленело... Поэтому живу, тружусь сегодня, мечтаю о надежном счастье своих детей, внуков и будущих правнуков, праправнуков – их детей и внуков тоже – всех родных, родственников – не только по крови, но и по душе – чтобы им ни разу в жизни не пришлось испытать горе за правду, чтобы честность и порядочность никогда не мешали им жить. Ситуация все время меняется – соответственно и настроения, и отношения; одно дело – впереди вся жизнь, другое – когда она вся уже позади...

«Я другим уж не буду...».

Говорю читателю: До следующей встречи!

И не перестаю надеяться.

О, если б мне возвратил Юпитер минувшие годы!